Новое
в жизни,
науке,
технике

Подписная
научно-
популярная
серия

9 '90

Философия и жизнь

читайте
в этом номере:

МОЛОДЕЖЬ
О ФИЛОСОФИИ

ДИАЛОГ:
РЕДАКТОР–ЧИТАТЕЛЬ

БАНК
ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ

В САДУ
РАЗМЫШЛЕНИЙ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

9/1990

Издается ежемесячно с 1960 г.

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ:

МОЛОДЕЖЬ О ФИЛОСОФИИ

(ИЗ ЦИКЛА «СЛОВО МОЛОДЫМ»)

Диалог: редактор — читатель

Банк философских идей

«В саду размышлений»

Издательство «Знание» Москва 1990

ББК 15
М 75

Авторы: БАЙКАЛЬЦЕВ Андрей Наумович — преподаватель основ марксизма-ленинизма в Евпаторийском медицинском училище;

КИРИЛЕНКО Галина Георгиевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ;

МОЛЧАНОВ Михаил Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Научно-производственного объединения ЦК ЛКСМ Украины (г. Киев);

ШАКИРОВА Светлана Махмутовна — методист Республиканского учебно-методического кабинета Министерства народного образования Казахской ССР (г. Алма-Ата).

Редактор *Л. К. КРАВЦОВА*

Молодежь о философии (Из цикла «Слово моло-
М 75 дым»). — М.: Знание, 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия и жизнь»; № 9).

ISBN 5-07-000829-3

15 к.

Здесь представлены работы молодых специалистов, поступившие на объявленный в серии конкурс на тему «Молодежь о философии». Авторы рассказывают о сущности, возможностях и границах философского способа освоения бытия, о высоком предназначении философа, о сложностях, встречающихся на его пути.

0301010000 ББК 15

ISBN 5-07-000829-3

МОЛОДЕЖЬ О ФИЛОСОФИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Очень часто на встречах с философами, особенно молодыми, приходится слышать, что начинающим авторам трудно опубликовать свои работы, что московские издательства публикуют в основном только известных авторов и тех, кто живет и работает в столице (как с этой точки зрения обстоит дело в серии «Философия и жизнь», было наглядно показано в Приложении к № 6 за 1989 г.*).

В июньском номере нашей серии за 1989 г. был объявлен конкурс среди молодых философов на тему «Молодежь о философии». Что в итоге мы имели к маю 1990 г.? Всего четыре работы от молодых специалистов. Одна из присланных в редакцию статей оказалась не на тему. Зато остальные, по нашему мнению, заслуживают того, чтобы быть опубликованными в этом «молодежном» сборнике.

Решено практически не править полученный материал, но прокомментировать каждую статью. В качестве эксперта и комментатора была приглашена кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ **Г. Г. Кириленко.**

Конечно, и суждения редактора и консультанта не бесспорны: здесь мы вступаем в диалог с авторами статей. Предлагаем и читателям подключиться к этому диалогу.

«Под одной крышей» оказались значительно отличающиеся друг от друга материалы. В тематическом плане это

---

* Из 67 авторов за 5 лет (1984—1988) повторно издавались 6, а 46 авторов (большинство из них начинающие, молодые) выступили в серии впервые (серия к этому времени выходила 28 лет). Примерно такая же картина возникает, если посмотреть и на предыдущие 5 лет — с 1976 по 1983 г. (см. «Страничку редактора» в № 12 за 1985 г.).

и вопрос о роли философии в саморазвитии личности, и проблемы преподавания философии в вузе, и проблема «женщина и философия». В жанровом отношении это и имитация сократического диалога, и академическая статья, насыщенная иронией, и публицистическое эссе.

А что же объединяет эти работы? Прежде всего то, что все они написаны молодыми, только вступающими в философию учеными, не равнодушными к той области познания, которой они посвятили себя. Что касается содержательного аспекта, то все работы так или иначе затрагивают проблему связи философии с жизнью.

А. А. Байкальцев

ЗАЧЕМ ВАМ ФИЛОСОФИЯ?

Юная цивилизация греков задала человечеству те вопросы, на которые мы ищем ответы поныне. В способности задавать вечные вопросы — непринужденное естество юности.

Положим, что мы властны над временем настолько, что пригласили к студентам одного из учителей человечества — великого Сократа. Он проделал путь к нам, не просто явившись из одного места в иное, но пройдя через века, и узнал все, что знаем мы. Посему учитель человечества явился к нам спрашивать не для получения знаний, а для своего обычного споспешествования рождению истины в диалоге. Наши студенты — участники диалога с ним — не были ни безликой массой, ни страстными спорщиками.

Положим, что они были хором разных голосов, и пусть тот или иной голос иногда выделяется, нас не это заботит. Главное — понять, как постичь что-то самое важное из всего, что нас окружает. В этом мире, неподатливом и пластическом, ясном и загадочном, оракульски коварном и непосредственно-наивном, главное — успеть главное.

Впрочем, предоставим слово учителю человечества...

Сократ. Я пришел к вам по пути многих лет и стран, и мне хочется, чтобы этот путь был мною не напрасно пройден. Поэтому ответьте мне: будет ли вам интересно немного послушать именно меня, а не иного? Я знаю, что вы хо-

тите спросить, зачем вам философия, но если вы не знаете этого, то разве у самого философа надо спросить, зачем нужно его искусство, его наука?

Хор. У кого же спрашивать, если не у философа?

Сократ. Мы спрашиваем у ритора, зачем его риторика, если хотим узнать, как применяется его наука, но мы спрашиваем не у ритора, а у своего отца, зачем нам нужна риторика, если отец собирается платить учителю риторики, чтобы учить нас этой науке, не так ли?

Хор. Да, верно.

Сократ. И если мы доверяем ремесленнику, то спрашиваем у него, зачем его ремесло нужно, если нам это не вполне ясно, как, к примеру, спрашивают у водолаза, что представляет собой ремесло водолаза. Но если мы не доверяем человеку, то спросим у иного, зачем нужно это дело, которым занят человек, не вызывающий у нас доверия, не так ли?

Хор. Да, так.

Сократ. Тогда, быть может, надо спрашивать не у меня о постижении сущего. Можно ли спросить у ваших родителей, зачем они советуют вам учиться философии, или спросить у руководителей вашей страны, зачем постановили обучать молодежь философии? Или можно найти в какой-либо стране ученого человека, который отвергает философов, или найти книги, где отвергается нужда в философии,— можно так сделать?

Хор. Можно, но ответы правительства нам известны, ответы родителей мы легко можем предсказать, а отвергать науку можно, лишь познакомившись с ней. Мы хотим слушать тебя.

Сократ. Пусть так. Но скажите тогда, чем вас не удовлетворили те ответы, которые вы уже знаете?

Хор. Эти ответы не выводят нас на сам путь познания, у нас учат лишь основам знаний, но не философствованию.

Сократ. Я знаю это. Но чем более является изучение основ философских знаний — помехой или подспорьем в овладении искусством философствования?

Хор. Подспорьем. Особенно если философствование не нудное.

Сократ. Надо ли это понимать так, что не всякое философствование вам необходимо?

Хор. Да, не всякое. И иной раз никакое не надо.

Сократ. Надо ли это понять так, что в иное время никакое философствование неприемлемо?

Хор. Именно так! Причем это касается большей части времени!

Сократ. И когда же мы должны заниматься философствованием?

Хор. Либо по настроению в свободное время, либо в безвыходных ситуациях, когда уж больше ничего не поделаешь. Хотя бывает, что по чужому побуждению задумаешься.

Сократ. И люди XX века именно такое время уделяют философствованию, не так ли?

Хор. Именно так.

Сократ. Но скажите, согласны ли вы с тем, что философ — это и ученый и мудрец?

Хор. Согласны.

Сократ. И вы хотите в свободное время — как бы «налегке» — составить себе представление о том, зачем нужна его ученость и его мудрость? Но что значит «налегке»?

Хор. Значит — кратко и о главном и популярно.

Сократ. Более двух тысяч лет назад меня называли мудрым, но ученым я в некотором смысле себя не считал. Проделав к вам путь и много познав, я осведомлен несколько больше, чем вы, говорящие со мной. Люди хотят жить так, как жили древнегреческие боги. И все блага жизни, полагающиеся богам, вам должны дать ваши роботы и компьютеры. И вы надеетесь, что будете мудры достаточно, не соблазнитесь эффектностью, не забудете о доброте, как наш Зевс порой забывал?

Хор. Неплохо бы. Но пока компьютеров не столько.

Сократ. И вы внемлете своим философам не чаще, чем Зевс слушал свою жену, мудрую Афину Палладу: в дни самой горестной печали или в легкую минуту беззаботности и великодушия, снисходительного к мудрости.

Хор. Именно так.

Сократ. И вы, естественно, полагаете, что человек вправе жить как олимпийцы, что могущество человека весьма основательно?

Хор. Мы на это надеемся.

Сократ. Но что послужило основанием для дерзкой мечты и не менее дерзостных притязаний ваших современников

на божественный комфорт — было основанием для этой дерзости легкомысленное или какое-то иное отношение человека к делам его или заботам?

Хор. Нет, не легкомыслие, конечно, а реальность, кое-кто уже достиг божественного комфорта, всем так надо.

Сократ. Значит, обстоятельства жизни побуждают вас принимать теперь комфорт за норму, так?

Хор. Так!

Сократ. В иные века с трудом верилось бы во столь великое притязание! Я бы непременно требовал веских доводов, не зная истории XX века. Но ведь ваши времена создали не только величайшие блага, но и величайшие ужасы, хорошо ли вы сознаете это?

Хор. Да! За мир боремся, против СПИДа боремся...

Сократ. Я горячо желаю, друзья, рассмотреть то, что было сейчас сказано, а именно в чем состоят обстоятельства вашей жизни. Это ли, что вы назвали, — борьба за мир и со СПИДом — преобладающие обстоятельства?

Хор. Нет, конечно, есть работа, семья, общение, учеба.

Сократ. Значит, это — самые преобладающие обстоятельства?

Хор. Да, так.

Сократ. Но согласны ли вы с тем, что самое интересное — это то, что находится «за» непосредственным, привычным, «за» наглядным, «за» студенческой жизнью вашей, нечто всеохватное, существенное, сущее, согласны?

Хор. Да, то, что «за», как правило, интересно. Самая интересная реальность, как мы поняли, — это суть, сущность.

Сократ. Но ведь это относится и к обстоятельствам?

Хор. Само собой разумеется, мы уже поняли, о чем речь: о том, что «за» обстоятельствами — «за» работой, семьей, учебой, общением. Как писатель Гроссман считает, смысл любви, творчества, борьбы и наслаждений — в самой жизни. Значит, смысл работы, учебы, семьи в чем-то подобном. Впрочем, почему в подобном: это ведь тоже жизнь. Но это только общее слово!

Сократ. Да, это так, но почему вы в отчаянии? Ведь вы хотели услышать о философии и о сущем бытие, а это тоже общие слова, как и «жизнь», разве нет?

Хор. В том-то и дело: на них и заканчивается вся фи-

лософия, но что имеет общего мудрость с общими фразами и общими понятиями?

Сократ. Давайте посмотрим! Однако, думаю я, о самой философии можно будет сказать после, вначале же давайте взглянем, что есть «сущего» в «жизни»? Заметили ли вы, что есть некий круг в рассуждениях о смысле жизни, который не свелся к стремлениям отдельным, таким, как любовь или наслаждение, но и не вполне ясен в общем слове «жизнь»?

Хор. Да, круг получается смысловой, от одного к иному.

Сократ. Но напомните-ка мне теперь: когда ваши современники обращаются к философствованию?

Хор. В дни тяжких бед и беззаботные минуты отдыха.

Сократ. Можно ли сказать, что вы обращаетесь к постижению сущего, когда вам либо легко, либо очень худо?

Хор. Естественно.

Сократ. Значит ли это, что у жизни есть как бы два полюса, между которыми все разнообразие жизни?

Хор. Ты глубоко прав. Все между полюсами.

Сократ. И ответьте, стремимся ли мы от того полюса, где нам хорошо, к тому полюсу, где нам очень худо, или же наоборот?

Хор. От добра добра не ищут. Человек ищет, где лучше.

Сократ. А часто ли в жизни бывает так, что человек хотел сделать всем как можно лучше, но все корят его, и не будь это слишком неучтиво, то говорили бы ему: «Погибель на голову твою!» Или не бывает ли еще так, что человек корит себя и готов на себе волосы от досады рвать, так на себя сердит, что навредил себе?

Хор. Бывает, бывает.

Сократ. А много ли людей остановились и не стали двигаться от горестного полюса жизни к благоденствию, рассудив так, что путь неведом, а стоять на том, где их застала усталость, не так уж и худо: возрадовались, что им можно никуда более не идти, и решили, что лучше не изведать, не узнать всех проявлений жизни, а знать лишь малую часть.

Хор. Да, это обыватели, тут все ясно.

Сократ. Но знают ли исчерпывающим образом жизнь те, кто пришли к божественному образу жизни и стали подобны Зевсу?

Хор. Нет, они знают лишь тот свой путь, что прошли.

Сократ. А заметили ли вы, что мы говорим об этом пути, как об очень непростом, достойном того, чтобы ужаснулить комедиографы, хотя мы вовсе еще не задавались вопросом, прост ли, гладок ли этот путь?

Хор. Заметили.

Сократ. А если мы сравним этот путь с полной опасностей «Одиссеей», справедливо ли сравнение?

Хор. Бесспорно.

Сократ. А знаете ли вы, что соотечественники обвиняли меня в непочтительности к богам?

Хор. Да, читали, но большинство из нас атеисты.

Сократ. Не буду сейчас говорить о вас, но спрошу: не осудите ли вы, если я непочтительно отзовусь о Зевсе?

Хор. Нет.

Сократ. Я полагаю, что иные его поступки бесспорно достойны великого и мудрого громовержца, но иные — нет. Не рассудите ли вы мое порицание как дерзостное?

Хор. Нет!

Сократ. Скажите-ка мне: раз вы согласны с порицанием Зевса, то те, кто, напрягая тело свое и крепясь духом, вершат путь от горестного полюса жизни, — разве они во всем должны стать подобными Зевсу либо мы сочтем их вправе превзойти великого громовержца в иных достойных качествах?

Хор. Сочтем вправе!

Сократ. И не будет ли это тем более мудро, что путь его пролегает через тернии и иные преграды? И как вы полагаете, каков этот путь, раз он не гладок?

Хор. Его можно сравнить с тяжелым путешествием, через высокие горы и трудные переправы, с риском для жизни, но и, наверное, с нередко открывающейся панорамой сияющего вдали Олимпа — заветной цели.

Сократ. Но ведь мы договорились уже, что олимпийцы — не идеал, да ведь и венец пути может быть сколь бесконечно желанным, столь и бесконечно простым, как у Одиссея: конец всех подвигов наступил в родном доме и домашние радости были ему наградой за все!

Хор. И он мог мирно жить в своем доме, но обывателем при этом уже никак не мог стать.

Сократ. Поразительно, юные! Вы улавливаете смысл как добрый невод — рыбу. Истина в том, что ныне Одис-

сея знают во всех землях, и все с почтением редкостным о нем отзываются! Прежде чем уснуть в священной земле Эллады навеки, Одиссей совершил путь от горестного полюса жизни к радости дождавшейся его Пенелопы. Гомер и Одиссей благодаря друг другу свершили честно весь путь от начала до конца. Но есть ли их жизнь подлинная?! И не верно ли будет сказать, что обыватели живут неподлинной жизнью?

Хор. Правильно, Сократ!

Сократ. А согласитесь ли вы, если я скажу, что Гомер столь же достоин нашего почтения, как и Одиссей, даже пусть не тонул он в море и не претерпел всех несчастий в разных странах, но претерпел все несчастья в своей душе?

Хор. Да, достоин всяческого почтения.

Сократ. Но ведь ни Гомер, ни Одиссей не обращались к философствованию, значит, нам надо говорить не о них?

Хор. Не зря Гиппий две тысячи лет уже как сказал, что Сократ всегда мутит воду при рассуждениях вроде какого-то злоумышленника.

Сократ. Пусть так! Но, высокочтимые и юные! Не надлежит ли нам вспомнить, что многохитростного Одиссея отменным умом одарили и ему покровительствовали боги, как и Гомеру. Но покровительствуют ли боги тому, кто дерзнет превзойти самого громовержца Зевса, и станут ли они одарять его многохитростным умом?

Хор. Конечно, нет.

Сократ. Так значит ли это, что, исполнившись дерзости, ты сам, как бог, должен будешь покровительствовать каждому своему начинанию?

Хор. Выходит, так.

Сократ. Когда я обращаюсь к богине или богу, это не только удесятеряет мои силы, но и оказывается для меня событием не только как случаем, но и как событием богов и моим. Это для меня самое преобладающее обстоятельство жизни. Что же будет преобладающим обстоятельством для того, кто вознамерился превзойти Зевса?

Хор. Вероятно, обращение к самому себе?

Сократ. Быть может. Но ответьте, будет ли он покровительствовать сам себе в любых начинаниях или нет?

Хор. В благородных сам себя приободрит, а в сомнитель-

ных, если совесть есть, сдержит или будет колебаться, маяться, терзаться...

Сократ. А давайте-ка перечислим все, чем может помочь себе страждущий: если вместе с Гомером он претерпит весь путь Одиссея, сумеет ли превзойти Зевса?

Хор. Нет, но многое сумеет.

Сократ. А если за всю судьбу не совершит ни единого дурного поступка, подобно тем, за которые порицали мы Зевса? Будет ли это то, что мы хотели?

Хор. О да! Это будет настоящая безупречность, как у Афродиты!

Сократ. Ну и где же та одиссея, в морях, островах или нет, расположена, пройдя которую мы будем безупречны и безукоризненны, ничем не запятнаем себя?

Хор. Это неизвестно.

Сократ. Ну а если я предположу, что она расположена не в пространстве?

Хор. Значит — во времени? Одиссея во времени, так?!

Сократ. Пусть так, но скажите, нужны ли многохитростность, бесстрашие Одиссея, благородство Гомера, чтобы знать время?

Хор. Благородство? Не знаем... Вероятно, нужны!

Сократ. Тогда давайте подумаем над иным: хорошо ли пробежит бегун, весь свой путь прыгая на одной ноге?

Хор. Конечно, нет! Вообще не пробежит!

Сократ. А легко ли стрелять из лука однорукому?

Хор. Что за вопрос? Конечно, нет!

Сократ: Но не подобно ли напряжение тетивы лука напряжению между двумя полюсами жизни?

Хор. Да, похоже.

Сократ: Значит, на пути к счастью и свободе нам надо не уподобиться тому, кто прыгает на одной ножке, кто одной рукой натягивал лук или скачет по кругу?

Хор. Само собой разумеется.

Сократ. Но не будем ли мы подобны однорукому и одноногому, если понадеемся на свой ум, но не узнаем мыслей древних мудрецов? И не по кругу ли будем ходить вечно, если беззаботно забудем свои прошлогодние мысли, надеясь на то, что голова и так никогда не пуста! И не уподобимся ли им, если беззаботно отнесемся к греческой мудрости, пресытившись китайской! И достойно ли изучать одну

эпоху, но не изучать иную?

Хор. А при чем тут достоинство? Все на свете не познать!

Сократ. Но все познать и пройти честно весь свой путь— это ведь разные вещи! Все познать невозможно, но и не пройти всего пути невозможно! Что же нам теперь надо более: различие между избранной дорогой и всем огромным миром или что-то общее и миру, и пути?

Хор. Конечно, что-то общее.

Сократ. Но разве подлинно прожитая жизнь не есть то общее слово, которым назван путь от полюса жизни к иному, где человек не найдет ничего, кроме себя, но лучшего, чем был в начале пути. Мы ведь говорим о том, что хотим стать как можно лучше, не так ли?

Хор. В общем, да, но мы отвлеклись от сущего.

Сократ. А я думаю, что мы вплотную подошли к нему! Вам ведь не надо сущее как общее слово? Оно понятно: каждый камень сам себе сущее. Такое вам надо сущее?

Хор. Нет. Нам надо понять, что для человека сущее.

Сократ. Но не получится ли здесь, как и с камнем, как и со смыслом жизни, что сам человек для себя есть сущее?

Хор. Быть может, и так, но о каком человеке речь?

Сократ. Так и я думаю: какой человек? С сердцем пугливого зайчишки либо же с благородством Гомера?

Хор. С благородством — и Гомера и Прометея и Геракла!

Сократ. Но тогда ты, с неистовством бога покровительствующий сам себе, с открытым сердцем, подобным благородному сердцу Гомера, внемлющего мудрости познавших одиссею своей души, видишь в обозримом будущем как цель пути самого себя, но лучшего. Не есть ли это твое сущее и главное обстоятельство твоей жизни?

Хор. Выходит, так.

Сократ. Но тогда *не безумие ли философствовать по чужой воле, не разумно ли позвать себя лучшего навстречу себе и ускорить величайшую радость встречи? Неужто и теперь вы будете философствовать от случая к случаю, а не по велению беспокойного сердца? И неужели путь, который мы прошли сегодня, столь тяжек, что вы не сможете сами изо дня в день*

проходить подобный же путь, чтобы воплотить в жизнь что-то ценное и сделать ценнее самому жизнь?

* * *

Это и подобное тому, что написано здесь, я обыкновенне даю прочесть тому или иному студенту, и вокруг избранных им тем складывается индивидуальная беседа о философии.

И только так — индивидуально — можно с человеком подниматься к постижению мудрости. Преподавать можно пропедевтику, терминологию, основы философских знаний, но мудрость есть нечто НЕ ПРЕПОДАВАЕМОЕ. К ней приходят вместе с мудрецом, если он действительно мудрец. Ценно здесь терпение неопределенности: я не знаю никогда, кто есть больший мудрец — я или те юные, с которыми говорю. И если нет этого терпения неопределенности, значит, разговор будет не до конца честен.

Это одна из тех формул жизни людей, которые вечно «на учете», но этот учет невозможен, ибо эти формулы — НЕ УЧИТЫВАЕМЫЕ заведомо, как нельзя учету подчинить понимание, что нет ничего недоступного творчеству, что талант и любовь — явления познаваемые, но что познание неизмеримо сложнее любого понятия о познании. И многое, многое иное «учитывать» бессмысленно. Сущее не терпит учета, ибо оно бесконечно, ибо на нем надо крепко стоять ногами, ибо оно есть мы, а «учитывать» ценность себя самого — это оскорбительно.

Люди всегда ценили звезды. Но мы еще более будем их ценить, когда заселим космос. У человечества очень много работы, но забота одна — возвысить ценность Человека. Вы попытаетесь это учесть? *

Только что мы присутствовали при «беседах с Сократом». Для чего автору понадобилась помощь Сократа при решении проблем, с которыми сталкиваются наши молодые современники? Сократ давно уже стал символом того стиля философствования, цель которого — не построение всеохватных умозрительных схем, а реше-

---

* Здесь и далее за горизонтальной чертой помещаются комментарии к тексту статей.

ние тех вопросов, которые рано или поздно встают перед каждым человеком,— смысла и цели жизни, свободы, ответственности, нравственного выбора. Автор достаточно успешно демонстрирует достоинства «сократического метода» — достижения истины в процессе спора.

Обсуждался один вопрос: зачем нужна философия молодому поколению и нужна ли она вообще? Сократ использует «иронию» — метод приведения собеседника к противоречию в собственных суждениях и «майевтику» (буквально «повивальное искусство»), которая в процессе преодоления выявленных противоречий помогает рождению истины, рождению собеседника к новой жизни, к новому видению мира. Путем сравнения частных фактов («индукция») выявляется их всеобщая основа, формируются общие представления об обсуждаемом предмете («процедура определения»).

Сила сократического метода была направлена на то, чтобы студенты вместе с Сократом пришли к убеждению в необходимости философии — этого обязательного спутника саморазвития личности. Философия помогает вырываться из сетей повседневности, помогает человеку на всех этапах его «духовной одиссеи». Любовь к мудрости, пришли к выводу участники диалога с помощью Сократа, неотделима от любви к истории мудрости, требует от человека отваги, терпения, мужества. Форма диалога, который «развлекая, поучает», удачная имитация стиля «давно минувших дней», заставляет внимательно следить за всеми перипетиями спора и, безусловно, способствует приобщению к подлинной философской культуре...

Все же, думается, в реальной ситуации диалога с преподавателем, даже достаточно талантливым, студенты вряд ли так легко согласятся с аргументами носителя философской мудрости и послушно пустятся во все тяжкие предлагаемой им духовной одиссеи. Быть может, потому, что трудно сегодня найти такой же пример слияния философски осмысленной жизни и жизненно ориентированной философии, каким являлся Сократ?

Но и современному двойнику Сократа, если б таковой обнаружился, пришлось бы нелегко, когда бы студенты принесли на встречу с ним все те проблемы, которыми ныне болеет современная молодежь. Реалии современных молодежных субкультур (рокеров, панков, бритоголовых — «скинхедс» и др.) настолько причудливы, а порой и пугающи, что современному Сократу пришлось бы туго. Он бы встретился не со стерильной фигурой некоего юного искателя добра и истины, стремящегося к бесконечному совершенствованию. Вполне возможно, что Сократ вынужден был бы говорить с человеком, который отнюдь не столь почтителен к рациональным доводам, который говорит «нет» всему миру взрослых с его неразрешимыми проблемами, с его государственностью и наукой, с его нравственностью и философией, с его рационализмом и оптимизмом

Применение сократического метода, при всей его привлекательности, очевидно, имеет свой предел. С современной молодежью — с ее нигилизмом и одновременно с тягой к ритуализации жизни, с ее индивидуализмом и поисками новой коллективности — нужно говорить на ее языке, искать новые формы диалога, новые аргументы. Даже единство знания и нравственности, естественное для Сократа и являющееся основой его метода, может стать предметом вовсе не «сократического» диалога.

Может быть, читатели попытаются найти те формы контакта философии с современной молодежной культурой, которые будут не менее эфективны и увлекательны, нежели беседы Сократа с молодыми афинянами, и расскажут об этом нам?

М. А. Молчанов

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ
(Точка зрения молодого преподавателя провинциального вуза)

Я написал заголовок и подумал: не менее интересна точка зрения студенчества, которая отличается большей последовательностью и, при всей широте оценочного спектра, большей цельностью. Неискренность вузовской философии, включая и самых молодых ее представителей, очевидна. Более того, извинительна. Посудите сами, какому еще поколению советских обществоведов удалось, благополучно меняя свои публично высказываемые взгляды, ощутить за несколько лет три «исторические эпохи»?

...Вспоминается осень 1982 г. Позади «госы», защита диплома, военные сборы. Впереди — протоптанная дорожка научно-педагогической карьеры. На дворе — «развитой социализм». Идет семинар по теме «Социалистический образ жизни», в ходе которого мы должны убедительно доказать исторические преимущества нашего строя. Все как будто по плану. Удалось заинтересовать даже молчаливых студенток из Марокко. Вот одна из них тянет руку. Даю слово. «Михаил Александрович, а вы за границей были?» Честно отвечаю: нет. «Как же вы тогда можете сравнивать?»

И начался длинный разговор. Я апеллировал к теории и эмпирии, ссылался на непоколебимый авторитет советских средств массовой информации; не преминул отметить свидетельства пороков буржуазного общества, щедро рассы-

панные в произведениях западноевропейского и американского масскульта. Все напрасно. Мне не удалось рассеять ее сомнений — сомнений человека, суждения которого направляются непосредственно пережитым опытом, здравым смыслом, сугубо конкретным взглядом на вещи. Верная «для всех времен и народов» теория оказалась бессильна. Студентка из африканской страны так и не поверила ни в исторические преимущества социализма, ни в эвристические возможности философского способа постижения мира. Тезис о том, что специфически философский метод познания действительности — метод умозрения — способен иной раз давать более достоверное знание, чем самое пристальное наблюдение и даже эксперимент, был мягко, но решительно отвергнут.

Впрочем, на том — уже далеком, из «другой эпохи» — семинарском занятии мы оба были неправы. Она — в своей недооценке интеллектуальных возможностей теории, я — в догматизированном ее толковании. Отупляющее воздействие идеологических императивов сталинской закваски десятилетиями выхолащивало живую творческую душу философии, именем которой клялись, разлагало самое способность ученого-обществоведа давать подлинно научные оценки современным ему событиям. Стоит ли удивляться тому, что преподавание философии и особенно научного коммунизма в нашей стране выродилось в своеобразный идеологический ликбез, отношение к которому студенчества можно сравнить разве что с отношением ранее служивших ребят к нелепой по их мнению, но тем не менее обязательной вузовской военной подготовке?

Иные коллеги (и не только старшего поколения) до сих пор тоскуют по незабвенным временам предзаданной четкости руководящих указаний, в которых мы, как в диалектике Гегеля, неизменно отыскивали все более пухнувшее рациональное зерно. После того как бессмертные мемуары Л. И. Брежнева явили собой «новый вклад в теорию исторического материализма» и мы исправно сообщили эту поистине беспрецедентную новость своим студентам, остановить (извините) проституирование марксистско-ленинской философии казалось делом абсолютно безнадежным. (К слову говоря, сейчас, когда осмеяние личности Л. И. Брежнева и его ближайшего окружения стало признаком хорошего то-

на, чувствую необходимость категорически заявить: тогда нам, молодым преподавателям «общественного цикла», было не до смеха. Разве что временами. Порой бывало жутковато, иногда — как-то странно, вроде висишь книзу головой, но гораздо чаще — невыносимо тоскливо.)

Приходили и уходили новые генсеки — менялся список обязательной к изучению литературы. Все они были философами. Философичность неотъемлемо присуща должности Генерального секретаря нашей партии. Этакое воплощенное идеальное государство Платона! (Где, как известно, роль правителей отводилась именно философам.) Конечно, отыскивать в работе Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» новые горизонты обществоведческой мысли было существенно легче, чем подвергать той же процедуре «Малую землю» или «Целину». Но принцип оставался вне критики. На то он и принцип. Как будто «там, наверху» проводили увлекательные исторические параллели: мол, философия успешно служила религии, тем более должна служить нашей передовой идеологии. И забывали, что служанкой религии философия была в средние века...

Сейчас в стране перестройка. Дышать стало легче, если не в буквальном, то в переносном смысле. Люди спорят, рассуждают, доказывают что-то друг другу. Но загляните-ка в институтские библиотеки: что конспектируют студенты, готовясь к семинару по философии? Какие труды читают перед государственными экзаменами? Вам не потребуется много времени, чтобы сделать выводы. Штудировать партийные документы, книги и статьи М. С. Горбачева — занятие весьма небесполезное для политолога-профессионала, но может ли оно восполнить дефицит общефилософской культуры и эрудиции, без которых нет ни современного инженера, ни ученого-естествоиспытателя (не говоря уж о гуманитарных специальностях)? Вопрос, увы, риторический. Похоже, что люди, от мнения которых зависит общий вид вузовского плана занятий по философии, просто не могут отрешиться от былых стереотипов: для них марксизм — это смесь истории партии с текущей политикой. Какие же мысли должны посещать нынешних ассистентов, которые, начав изучение философии с «сусловских постановлений», пережив весьма крутые повороты в официально установленных оценках

истории и современности, пытаются сейчас убедить своих слушателей в необходимости фундаментального усвоения очередных «материалов»? Я полагаю, невеселые...

«На чем же нам воспитывать молодежь? — спрашивают старшие товарищи. — Эдак вы от марксизма камня на камне не оставите». С воспитанием как раз более-менее ясно. Доверие, серьезное отношение к молодежи и ее мнению, каким бы «незрелым» оно ни казалось, — вот его основные средства. Но окончание выше приведенной реплики, действительно прозвучавшей на одной из научно-практических конференций, заставляет задуматься.

Как же долго мы старались не замечать принципиального различия между философией и идеологией, философией и политикой, сосредоточив все внимание на их взаимном проникновении и переплетении! И как можно говорить об идеале (философском идеале в том числе), следовать которому призваны молодые, если сам идеал уподоблялся флюгеру, совершая вокруг своей оси столько оборотов, сколько требовалось по конъюнктуре!

Да, здесь не обойтись без восклицательных знаков. Но остается место и для вопросительных. Что же такое философия марксизма? Насколько она идеологична по существу? И что есть идеология: совокупность набожно чтимых заблуждений, знак покорности народа власть имущим или то, что помогает людям внести ясность и смысл в их сегодняшнюю многотрудную жизнь?

Так или иначе, эти вопросы звучат на семинарах и лекциях по марксистско-ленинской философии и теории и практике социализма. Преподаватели задают их студентам и друг другу, студенты задают их преподавателям. И нередко сами же отвечают. Иногда вопрос ставится несколько неожиданно: «Почему я должен изучать марксизм? Я бы с удовольствием прослушал курс дзенбуддизма (православной теологии, экзистенциализма, неофрейдизма), но не имею такой возможности». Что можно ответить? То, что мы невероятно обокрали себя, добровольно отгородившись железным занавесом фанатизма от мировой культуры и цивилизации? Что мы не знаем и Марксовой философии, зачастую трактуя ее до сих пор практически в духе «Краткого курса истории ВКП(б)»? Что, наконец, подлинное образование можно получить в значительной мере путем самообразования, и рус-

ской интеллигенции никогда не требовалось вычитывать из официальных учебников имена Соловьева, Флоренского, Бердяева?

Все верно. Как верно и то, что наука не может слиться с идеологией, не потеряв при этом научности. Мы уже более-менее поняли: ленинский принцип партийности философии не следует трактовать ни в смысле формального членства в партии, ни в смысле служения здравствующему корпусу политических руководителей. Я присоединяюсь к философам, с точки зрения которых не что иное, как непредвзятое служение истине, безбоязненный взгляд на существо социальных противоречий очерчивают позицию философа в идейной борьбе, объективную партийность его творческой деятельности. «Для этого требуется, — отмечал Г. В. Ф. Гегель, — чтобы человек устанавливал свое отношение к предмету, исходя из своего духа, сердца и чувства, коротко говоря, из всего своего существа, чтобы он стоял в центре самого предмета и давал бы ему раскрывать себя» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. — Т. 3. Философия духа. — М., 1977. — С. 277). Идеологическая работа философа не должна искажаться конъюнктурными соображениями: оглядкой на авторитет власти, укоренившееся мнение и т. п. Чем более он беспристрастен (с точки зрения обывательских «страстей»), тем адекватнее выражает интересы общественных сил существом своего труда.

А вот известные слова молодого революционного демократа Карла Маркса, решающего в принципе ту же проблему соотношения, соединения философии и идеологии: «Теория способна овладеть массами, когда она... становится радикальной. Быть радикальным — значит понять вещь в ее корне» (Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 1.— С. 422). Другими словами, философия обладает тем большей практической силой, чем глубже проникает она в существо сложных общественных явлений, не боясь затронуть чьи-либо частные интересы и уж тем более не искажая в угоду последним ту картину мира, которая представляется мыслителю наиболее полной и правильной. Таким образом, в философии есть только две партии: принципиальных, последовательных ученых и не принципиальных, ловящих конъюнктуру, беспартийных самим фактом проституирования собст-

венных убеждений. Нет нужды специально указывать, к какому лагерю относились мы большей частью несколько лет назад.

Сейчас, когда возможность публично говорить то, что думаешь (не заказанная лучшим представителям советской интеллигенции и в былые годы — только какой ценой!), доступна даже традиционно молчавшему большинству, требуется по-новому осмыслить и такую сторону проблемы: идеология не может слиться с наукой, не изменив своего характера полностью, не перестав быть идеологией, не утратив идеологичности.

Кстати, некоторые наши публицисты, когда хотят выругаться, говорят «идеология». Думаю, что это подход эмоциональный, но не научный. Будучи исторически определенной совокупностью ценностей, идеалов, норм жизнедеятельности той или иной социальной группы, идеология самым существенным образом влияет на мировоззрение людей, дает ответ на так называемые вечные, смысложизненные вопросы, задает направленность и общую модальность изменений массового сознания. С точки зрения теории познания идеология представляет собой отнюдь не достоверное, объективно-истинное, а скорее вероятностное знание, щедро разбавленное эмоциональными, волевыми, оценочными и т. п. образованиями, не имеющими ничего общего со строгой наукой. Но в этом как раз и заключается один из источников ее действенности, ее способности овладевать массами. Выступая на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук (1986 г.), М. С. Горбачев подчеркнул «эмоциональную интеллектуальность» марксизма (Горбачев М. С. Учить по-новому мыслить и действовать / Речь на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений 1 октября 1986 года // Горбачев М. С. Избранные статьи и речи. — М.; Политиздат, 1987. — Т. 4. — С. 113). Здесь сказалось понимание марксизма как идеологии прежде всего. Наука не знает эмоций. Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, нравится мне это или нет. Можно перемерить, пересчитать. Общественное бытие определяет общественное сознание, и если последнее ущербно, значит, ущербно в первую очередь общественное бытие. Опять же независимо от моей оценки или оценки моей, говоря языком социологов, рефе-

рентной группы. Можно найти тысячи свидетельств, апеллировать к историческому опыту.

«Закономерностью развитого социализма является становление социально-однородного общества». Звучит наукообразно. Но где факты, подтверждающие, что это так? Что скрывается под именем «развитого социализма»? Какое общество можно оценить как «социально однородное»? В окружающей нас жизни нет ни того, ни другого. Откуда же взята «закономерность»? Проще всего сказать: выдумана. Но у нас нет и свидетельств, опровергающих этот, осторожно говоря, прогноз в принципе. Каков же вывод?

А вывод заключается в том, что закономерность сформулирована не случайно, не с потолка. Кому-то ведь хотелось, чтобы общество было социально однородным, многим и сейчас ой как хочется. Это совпадает с распространенными представлениями о справедливости, о равенстве, издавна имело глубокие корни в нашей общинности, «соборности», бедности наконец. И это было провозглашено нашей целью официально, декларировано на самом высоком уровне.

Потребовалось еще несколько лет неудержимого падения вниз, дальнейшего обнищания «социально однородного» народа при пропорциональном обогащении коррумпированной бюрократии и дельцов теневого бизнеса для того, чтобы лозунг был снят. Идеологию «развитого социализма» сменила идеология перестройки, обновления общества, которая больше отвечает реалиям нашей жизни и может претендовать на исполнение тех социально-консолидирующих функций, которые давно утратила первая. Различие этих двух идеологий намного глубже, чем отличие брежневской идеологии от догматики времен культа личности Сталина. Но что интересно: и та, и другая, и третья восходят к марксизму, присягают марксизму и от его имени выступают, во всяком случае, именно такая картина складывается у наблюдателя.

Как могло произойти подобное? На мой взгляд, это стало возможным главным образом потому, что марксизм в нашей стране представляет собой не столько науку, сколько идеологию, которая всегда субъективно окрашена и подвержена немалым колебаниям во временном и смысловом диапазонах при внешней незыблемости базовой доктрины. Так

было, между прочим, со всеми мировыми религиями, каждая из которых претендовала на истину в последней инстанции. Так же поступали люди с философским наследием всех, воспользуюсь метафорой Эриха Фромма, великих учителей человечества, превращая открытые ими искорки объективного знания в разменную монету для обслуживания групповых (классовых, национальных, государственных, в общем частных) интересов. Религиозная доктрина выступала единым учением до тех пор, пока не появлялись разногласия между теми или иными способами ее интерпретации в интересах какой-то части людей, составлявших некогда единую общину. Наука оставалась объективно истинным знанием до тех пор, пока в ней не начинали отыскивать стороны, могущие служить одной социальной группе и нейтрализовать, изолировать, ограничивать или искажать духовную активность других.

Марксистская философия как наука продолжала существовать где-то на книжных полках и в тиши кабинетов (а иногда — на коммунальной кухне и в тому подобных «социально однородных» местах, хорошо знакомых не самым худшим ее представителям), но — увы! — не преподавалась в вузах. Вместе с высшим образованием мы получали основы марксистской идеологии — сталинского, хрущевского, брежневского образца, да притом чаще всего в ее крайне выморочном виде — в виде догматики. Именно эту псевдомарксистскую догматику не хотят изучать студенты: философию же Маркса и его великих последователей в неурезанном виде им просто не преподают. Да и как можно изучать марксистско-ленинскую философию в отрыве от достижений мировой философской мысли? Представляю, что было бы с Марксом, если бы его философские познания ограничивались, к примеру, трудами Гегеля. Никакой бы Маркс из него не получился.

Философия марксизма, как известно, тесно связана с достижениями мировой цивилизации. Идеология российских марксистов, особенно в ее сталинском варианте, впитала в себя, помимо прочего, агрессивный революционаризм леворадикального крыла народничества и не сумела избежать монархических отголосков в учении о вождях и партии.

Попробуй-ка судить эту идеологию с точки зрения сугубо рационалистической — ничего в ней понять нельзя.

Почему народ, свергнувший власть царского абсолютизма, долгие десятилетия мирился с ужасами военно-бюрократической диктатуры? Почему политкаторжане утешались тем, что их рабским трудом крепнет могущество «социалистического Отечества»? Почему вплоть до 1986 г. были случаи исключения партии за публичное осуждение войны в Афганистане, этого, на мой взгляд, экспорта революции в классическом троцкистском варианте?

Дело, повторяюсь, в том, что действенность любой идеологии базируется прежде всего на массовом сознании, хотя и оформленном, и «подкрашенном» специалистами. В отличие от философии, которая всегда была в первую очередь особым специализированным знанием о мире и уж потом — одной из форм общественного сознания, идеология объединяет в себе самые различные виды общественного сознания и самосознания, претендуя на некое интегральное значение во всех областях духовной деятельности, имеющих хоть какое-нибудь отношение к выработке средств регуляции жизни общества. Идеологию в основном волнуют способы, цели, задачи; знания занимают ее в гораздо меньшей степени. Можно было бы добавить: символы и стереотипы, но это уже касается не столько содержательной, сколько формальной стороны вопроса.

Понятно, почему в идеологии отведено такое большое значение эмоциональным, волевым и оценочным моментам, нередко подчиняющим себе рациональные, или, как говорят философы, специализирующиеся в области теории познания, когнитивные образования. Философия же, по существу, когнитивна. По крайней мере в европейской традиции философствования, которой придерживались и классики марксизма. Вспомним слова Ф. Энгельса о том, что со временем от всей философии останется лишь теория познания. Теперь пропустите любую рационалистически ориентированную теорию через какое угодно идеологическое сито, хоть самое прогрессивное, и посмотрите, что от нее останется. Правильно, апологетика и догматика. Очередная «истина» для «своих» и хлыст для инакомыслящих. И не зря советские исследователи проблемы отмечают в качестве главнейшей функции идеологии функцию духовного оружия в социальной (классовой) борьбе. И не зря руководство нашей страны обратилось сегодня к деидеологизации межгосудар-

ственных отношений: слишком уж велики ставки в этой борьбе, когда речь идет о реалиях ядерной эпохи.

Помню, как я был удивлен, узнав мальчишкой о том, что на Западе марксизм официально преподается в высших учебных заведениях; марксисты печатаются в солидных научных журналах, издают монографии. Тогда, в начале семидесятых, мне показалось бы более естественным, если б они все стояли в очереди за бесплатной похлебкой, а то и сидели бы в тюрьмах, вызволяемые оттуда лишь заступничеством Советского правительства и международного рабочего движения, поскольку марксизм для нас был идеологией — жесткой, непримиримой к оппоненту, не допускающей никаких компромиссов. Соответственно такой же реакции мы ждали от противоположной стороны, от буржуазного общества и государства. Между тем для них, как и для большинства работающих на Западе ученых, учение Маркса — Ленина в то время уже было теорией, с которой можно соглашаться или не соглашаться, которую можно развивать или критиковать, но во всяком случае следует иметь в виду, не требуя отметки о политической благонадежности. Пора бы и нам усвоить, наконец, такой подход.

Эти заметки, начатые от имени молодого преподавателя философии, хотелось бы завершить, памятуя об огромной студенческой аудитории, существование которой единственно оправдывает наш труд. Не секрет, что студенты до сих пор большей частью воспринимают марксистскую философию как идеологию, в чем их трудно винить, учитывая устоявшийся стиль преподавания дисциплин «общественного цикла». И соответственно формируют свое к ней отношение, тем более что сама идеология только начинает освобождаться от авторитарной догматики. Задача преподавателя, по моему мнению, — доказать ошибочность этой точки зрения. Доказать не столько хитроумными силлогизмами, сколько бережным поддержанием атмосферы свободного, творческого, критического обсуждения поставленных проблем, по ходу которого все участвующие равны, и монополии на истину нет ни у кого.

Ситуация, описанная М. А. Молчановым, достаточно типична. Под монологом автора, в котором звучит и сожаление об упущен-

ном времени, и желание коренным образом изменить ситуацию в обществоведении, подпишется большинство молодых и не очень молодых преподавателей. На смену тотального критицизма «публичного» разрушения уже давно свергнутых в нашем сознании кумиров приходит другой период — вдумчивого анализа уроков недавнего прошлого, попыток выработки новой «педагогической» парадигмы.

В заметке прослеживаются оба этих сюжета. Критический пафос соседствует с анализом связей философии и идеологии, автор стремится определить почву, на которой происходит их размежевание, дать образ «новой философии». Позиция продуктивная и заслуживающая уважения. Правда, надо помнить, что М. Молчанов — не сторонний наблюдатель, беспристрастный исследователь ситуации, в которой оказалось наше обществознание. Он и ее критик и ее порождение. Впрочем, как и большинство из нас, как-то причастных к философии. Отсюда и некоторые эмоциональные перехлесты, и довольно противоречивое желание полностью размежеваться с идеологией и одновременно сохранить идеологию как одну из форм ответа на «вечные», смысложизненные вопросы.

Представленный здесь «очерк нравов вузовской философии» состоит как бы из двух частей. Первая—«эмпирический» анализ ситуации в преподавании философии. Вторая — попытка теоретического исследования соотношения философии и идеологии. Поскольку остроумная критика автором недавних реалий педагогического процесса опирается на определенные теоретические принципы, остановимся на них.

В чем видится М. Молчанову основная причина кризиса вузовской философии? В отождествлении философии, идеологии и политики, в постоянной оглядке на власть. Отсюда бесконечные поиски зерен мудрости в потоке «документов и материалов», догматизм, нежелание вступать в дискуссию с представителями иных направлений, слепота к аргументам «от жизни» Основное средство вылечить вузовскую философию видится в деидеологизации ее, превращении философии в строгую науку. Для этого надо изгнать из философии положения, не способные пройти проверку практикой, такие, например, как: «закономерностью строительства социализма является становление социально однородного общества». Где факты, спрашивает автор, подтверждающие это положение? Неоспорим один факт — наше желание, или желание власть предержащих, сделать его таковым. Ну что ж, справедливо. Но вот, продолжает он, аксиому геометрии «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов» или философское фундаментальное положение «общественное бытие определяет общественное сознание» подтвердить можно. Можно перемерить, подсчитать, найти тысячи свидетельств. И никаких эмоций. Вот подлинная «деидеологизированная» философия. Однако здесь можно возразить: не меньше аргументов, на-

верное, могут привести и сторонники тезиса «общественное сознание определяет общественное бытие». Особенно много таких аргументов приводится в статьях наших публицистов, размышляющих над причинами разрушительного влияния сталинского обществознания на наше общество, на бытие нашей страны.

К. Поппер, критикуя образ науки, сложившийся в лоне позитивистской, в частности аналитической, философии, писал, что для того, чтобы можно было судить о научности того или иного положения, мало его подтверждения, «верификации». Только если удастся «фальсифицировать» теоретическое положение, прямо столкнуть его с эмпирией, тогда можно вести разговор о его научности. Философские положения, обладающие статусом всеобщности, прямо столкнуть с эмпирическими фактами затруднительно. Поэтому и уживаются в философии различные школы, направления.

Иными словами, желание отделить философию от идеологии, ликвидировать ее «социальную ангажированность» похвально, но рецепт такого освобождения философии вряд ли действен. Образ философии как строгой науки, очищенной от эмоций, пристрастий, доступной процедуре эмпирической проверяемости всех ее положений, закрывающей возможность использования ее в групповых интересах не менее утопичен, чем образ философии, являющейся послушным орудием в руках политической элиты. Известно, что философия Канта и Гегеля, Фейербаха и Ницше в истории культуры получала самую различную социальную интерпретацию. Идеи Ницше, например, были в большом ходу у передовой части русской интеллигенции и одновременно были использованы фашизмом. История XX в. показывает, что и философия марксизма может получать различные социальные проекции. Лишение философии свободы интерпретации, ограничение ее «эмпирического базиса», четко определенной в пространстве и времени социальной реальностью будет означать не превращение философии в строгую науку, а смерть философии. Философия по своей природе интерпретационна, поскольку, двигаясь в пространстве всеобщего, наполняет «вечные» категории новым содержанием, интерпретирует их на временную компоненту нашего бытия.

Философия не подчиняется ни кодексу «строгой» научности, ориентированной на естествознание, ни политическим императивам своего времени. Как бы ни хотели мы отделить философию от социальных пристрастий, они не отпускают ее до конца. Но вместе с тем как бы ни хотел кто-то превратить философию в служанку идеологии, она ускользает в некие «зоны свободного духовного предпринимательства». Ведь даже в достаточно продолжительный период «застоя» продуктивно разрабатывались проблемы теории познания и теории культуры, шло интенсивное освоение теоретического потенциала западной культуры, практически произошло становление такой области знания, как методология научного исследования. Ду-

ховное выживание в условиях идеологического прессинга стало самостоятельной теоретической задачей. Поэтому те особенности нашего философствования, которые сейчас подвергаются критике,—такие, как академизм, насыщенность сложной, порой заимствованной терминологией и даже пресловутое «схоластическое теоретизирование», — в прошлом были единственным оружием философии, оружием самоинтерпретации, каким она защищала себя от «интерпретации сверху».

Даже если освободить философию от различных форм политического контроля, и то сохранить ей целомудрие не так-то просто. Как показывает история, философия постоянно «грешила», вступая порой и против воли, в союз с различными социально-политическими ориентациями. Настрадавшись от прямого политического диктата, философы теперь, что называется, «дуют на воду», отвергают идеологичность философии вообще. Однако то понимание идеологии, которое характерно для автора этой статьи, говорит об обратном. Идеология, пишет он, — это исторически определенная совокупность ценностей, идеалов, норм жизнедеятельности той или иной социальной группы, она дает ответ на «вечные», смысложизненные вопросы. Так ведь и философия дает ответы на эти «вечные» вопросы, правда, сомневаясь, опровергая, полемизируя. Сферы влияния философии и идеологии разделить невозможно. Отсюда, очевидно, невозможно и реализовать идеал философии «как строгой науки», поскольку известно, что если бы аксиомы геометрии затрагивали интересы людей, они бы опровергались. Существенное различие философии и идеологии пролегает там, где речь идет о способе решения «вечных» вопросов. Идеология постулирует, ей ответ известен заранее, а философия сомневается, сопоставляет, ее ответ заранее не задан. Философ всегда несет в себе непримиримого оппонента, ищет контраргументов своей точке зрения, размышляет над основаниями своей концепции. В отличие от идеологии философия свободно движется в области смыслов, ценностей. Философия не бесстрастное знание, поскольку ее проблемы — это проблемы «эмоционально нагруженные»; но и эмоции, сопровождающие процесс размышления, философ также делает объектом анализа. Так, может, надо не отделять философию от идеологии, а сделать идеологию философичной? Может, это единственное средство превратить «человека толпы» в свободного гражданина, сознательно принимающего решения и совершающего поступки, а не с готовностью выполняющего идеологические директивы?

Один из аспектов крайне противоречивой духовной ситуации, в которой находится ныне наша философская мысль, состоит в том, что впервые, пожалуй, «социальный заказ» она получает не только «сверху», но и «снизу». Казалось, сама жизнь, выплеснувшаяся на страницы журналов и газет, требует от философии практических рекомендаций, неких универсальных объяснительных схем бытия в

его наличности, данности, скоротечности, формулирования алгоритмов действия.

И философия откликается на самые насущные духовные запросы различных социальных групп: пытается осмыслить социальные истоки и пути искоренения бюрократизма, берется за решение проблемы социальной справедливости, смело вмешивается в борьбу литературных группировок, не обходит своим вниманием и «молодежные» проблемы, замахивается на устоявшиеся теоретические формулы. Фигура философа уже стала необходимой в проведении различных «круглых столов», широких социальных дискуссий... Как будто рушатся последние преграды между философией и жизнью.

Однако в процессе движения навстречу жизни в философии проявляется вполне отчетливо некоторая мозаичность в выборе тем: однообразие, навязываемое сверху, сменяется пестротой и эклектичностью. Перефразируя слова Д. Рисмена, философия становится не «ориентированной изнутри», а «ориентированной извне». Острота и актуальность тематики нередко не соответствуют глубине, «философичности» проработки поставленных проблем; порой философия забывает, что критичность — необходимый, но не единственный компонент философского знания. Трудности, выявившиеся на данном этапе развития философского знания, не случайны. Путь «покаяния» и «очищения», на который вступило наше общество, для философии означает прежде всего способность стать подлинной выразительницей своего времени, интерпретирующей эпоху, а не позволяющей эпохе интерпретировать себя.

И наконец, последнее соображение. Автор говорит об «извининительности» неискренности преподавателей вуза, поскольку идеологические императивы «сталинской закваски» не допускали иной манеры преподавания, не позволяли впустить в вузовскую философию Бердяева, Соловьева, Флоренского. Думаю, что все же это не совсем так. Не стоит смешивать «сталинские императивы» с теми достаточно широкими и податливыми рамками, в которых существовала наша философия. И о Флоренском можно было говорить, и о Бердяеве. Совсем не обязательно было и изучать «обязательную» директивную литературу, «Целину», «Возрождение» и т. п. По крайней мере так обстояло дело в Московском университете. Возможно, на периферии требовалось больше смелости для того, чтобы отстоять свой стиль преподавания, свой круг тем. Но все же не надо недостаток мужества, леность приписывать внешним, пусть и благоприятным для развития этих качеств обстоятельствам. Другими словами, более корректным было бы отделить все же эпоху «застоя» от более ранних и более мрачных времен, показать, что ситуация не «поощряла» творческое философствование, но и не задавала однозначно парадигму преподавания. И только от личностных усилий преподавателя и студентов зависела возможность сохранить творческое лицо философии.

В сопроводительном письме в редакцию автор комментируемой заметки написал нам, в частности: «...рискую выступить от лица молодого преподавателя типичного провинциального вуза».

Было бы хорошо, если бы читатели — преподаватели философии в периферийных учебных заведениях сообщили нам: действительно ли на периферии почти не было возможностей для творческого преподавания философии и является ли оправдание неискренности типичной позицией для данной категории обществоведов?

С. М. Шакирова

СОЗДАНЫ ЛИ ЖЕНЩИНЫ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ?

Перефразируя Ф. Бэкона, можно было бы дать такой эпиграф к этой статье: «Сущность женщины, если отведать ее слегка, уводит от философии, если же глубоко зачерпнуть ее — приводит к ней».

Вся история мировой философии показывает, что философия — занятие не женское. Более того, далеко не всякий мужчина справляется с ней. Любовь к мудрости дается слишком дорогой ценой — отречением от обычных радостей жизни (полностью или частично), постоянными интеллектуальными и моральными затруднениями, нередко одиночеством и несчастной судьбой.

Плоды философского древа часто горьки. Женский удел — срывать пустоцвет. Женщина в философии обречена на вторичность. Она способна на рецептивное и репродуктивное отношение к философии, отнюдь не на продуктивное. Научные достижения женщин-философов, как правило, весьма скромны. На мой взгляд, в нашей философии наиболее известны Г. С. Арефьева, Л. П. Буева, Н. П. Гайденко, Р. С. Карпинская, Н. В. Мотрошилова, Н. С. Юлина и некоторые другие. В западной гуманитарной науке несомненны заслуги Карен Хорни, Изабеллы Стенгерс, но первая, как известно, психолог, а вторая — физик.

Обычно женщины становятся неплохими преподавателями и педагогами, но почти никогда — крупными учеными. В этом еще раз проявляется специфика философии, не поддающейся женскому обаянию и уму.

«Ментальность и пол» — таким представляется мне на-

звание пока никем не написанного фундаментального труда по проблеме интеллектуальной дифференциации полов. Будучи вечной и нерешенной, сия проблема выступает в условно-простых одеждах, как-то: «социальная сущность женского вопроса», «социальные детерминанты ментальности», «репродуктивные функции женщины» («производство средств к жизни» и «производство самого человека, продолжение рода», по Энгельсу), «универсализация социальных ролей мужчины и женщины» и т. п.

Прародительница Ева — несомненно, первый гносеолог человечества. Только ли женское любопытство объясняет факт, что именно она, а не Адам сорвала запретный плод с райского древа познания?

Это, естественно, шутка. Серьезно же то, что Гегель отказывал женщинам в способности разума. «Женщины могут быть образованными, но для высших наук, как философия, и для некоторых произведений искусства, требующих всеобщего, они не созданы. Женщины могут обладать остроумием, вкусом, изяществом, но идеальным они не обладают. Различие между женщиной и мужчиной таково же, как различие между животным и растением: животное более склонно соответствовать характеру мужчины, растение — более характеру женщины, ибо она более представляет собою спокойное раскрытие, получающее своим началом более неопределенное единство чувства. Государство подвергается опасности, когда женщины находятся во главе правительства, ибо они действуют не согласно требованиям всеобщего, а руководясь случайными склонностями и мнениями. Женщины получают свое образование какими-то неведомыми путями и как бы через атмосферу представления, более благодаря жизни, чем благодаря приобретению знаний, между тем как мужчина достигает своего положения лишь посредством завоеваний мысли и многих технических стараний» (Гегель Г. В. Ф. Соч. — Т. 7. — М., 1936. — С. 198—199).

И. Кант деликатно разделял «глубокий ум» мужчины и «прекрасный ум» женщины. Он писал: «У прекрасного пола столько же ума, сколько у мужского пола, с той лишь разницей, что это прекрасный ум, наш же, мужской, — глубокий ум, а это лишь другое выражение для возвышенного... для мужчины нет ничего более обидного, чем обозвать его

глупцом, а для женщины — сказать, что она безобразна» (Кант И. Соч. — Т. 2. — С. 152).

Малоутешительно и то, что не только философия антифеминистична. Антифеминистичны и все мировые религии: иудаизм как абсолютно мужская вера; христианство как конституция известной женской подчиненности и вторичности; ислам как жестокий диссонанс с классической восточной поэзией с ее культом женской красоты, чистоты и любовной силы; буддизм.

Более того, как утверждают западные феминисты, и вся наука построена по мужской парадигме, маскулинистски ориентирована, отягощена патриархальными предрассудками. Мужские черты — жесткость, агрессивность, доминантность — проявляются в научном описании Вселенной (лозунг «знание — сила»), в морали (приоритет «мужских» ценностей типа индивидуальной свободы, равенства, обладания правами), в искусстве, особенно сильно проникнутом эротикой, в религии (культ Мадонны — культ биологической функции женщины), в средствах массовой коммуникации (и кино, и телевидение, и реклама создают устойчивый женский имидж, удовлетворяющий в первую очередь мужчин).

По сути, само бытие человеческое антифеминистично. Жизнь — это вечная борьба ян/инь, мужского/женского, силы/слабости, души/тела, внутреннего/внешнего, разума/чувств, культуры/инстинкта.

Следует признать, что никто из великих прошлого не был преисполнен оптимизма по поводу безоговорочного и абсолютного равенства мужчин и женщин. Даже такие «феминисты», как Платон, Кондорсе, Дидро, Фурье, Милль, Маркс, Энгельс, Ленин, подсознательно ставили женщину второй после мужчины. Энергетический запас идеологии эгалитаризма небезграничен, он сохраняется в пределах разумного, и существуют критические точки, например физиологические аспекты проблемы, за которыми идеи комплиментарности мужского и женского полов, полного равенства или равенства в различии стремительно теряют содержательный статус.

Новый шаг в эволюции всегда делает мужчина, он авангард, разведчик, женщина — главная сила. Он — защитник рода, она — продолжательница. Ее жизнь оседла, однообразна, у нее у́же информационный круг, его жизнь оседло-коче-

вая, разнообразная, более опасная, напряженная, у этой жизни шире информационный круг. Он более тяготеет к переменам, она — к достигнутому. Он создатель нового, она — творец настоящего. Бытие обоих — сплав поиска и закрепления, открытий и освоения, творчества будущего и настоящего.

В советской науке женщин — научных сотрудников 50%, кандидатов наук — 28, докторов — 14, профессоров, членов-корреспондентов и академиков — 1% (см.: Воронина И. А. Женщина в мужском обществе // Социологические исследования. — 1988. — № 2. — С. 105).

* * *

Попытаемся определить, на каком возрастном этапе становится заметным разрыв в творческих способностях к философии в зависимости от половой принадлежности. Человек рождается с определенными умственными потенциями независимо от пола, и лишь процесс социализации детерминирует путь, по которому идет развитие психики, структур головного мозга. Изначально человеческий мозг содержит в себе потенциальную возможность программирования поведения как по мужскому, так и по женскому типу.

Все дети — видимо, философы, если рассматривать их с точки зрения философичности детского мировосприятия и миропонимания.

Говорить о мудрости подростка или юноши как-то странно, а потому выделять особые склонности к философствованию можно параллельно с установлением склонностей к поэтизированию, художественному творчеству, дневниковым откровениям.

Студенты философских факультетов примерно равны в способностях изучения наук, иногда девушки превосходят в широте и глубине философской подготовки, основательности и эрудиции. Молодые одинаково компетентно рассуждают о проблемах философии, парадоксальность ума редка как среди юношей, так и среди девушек. Уже на этом этапе становления специалистов появляются сначала едва различимые, а затем более контрастные линии раздела между духовными (философскими) потенциями разных полов. В литературе пик интеллектуальных и психотехнических способ-

ностей у мужчин отмечается в 20—40 лет, у женщин позже. В период биологического материнства интеллектуальные способности женщин претерпевают стагнацию, ибо у них гормональная активность превалирует над рациональной.

Следовательно, именно в это время начинается дивергенция по полу, углубляющаяся со временем. Профессиональное становление женщины венчается статусом хорошего (в лучшем случае) преподавателя или малозаметного научного работника. Женщины в философии создают благоприятный фон, на котором особенно явственно вспыхивают звезды мужчин. Просто хороший философ-мужчина в человеческом сознании предпочтителен в сравнении с просто хорошим философом-женщиной в силу того же древнего стереотипа, что у философии не женское лицо.

Преподаватель философии в юбке вызывает меньше доверия у аудитории. Срабатывает механизм установки: если женщина философствует, значит, у нее что-то ненормально в личной жизни (Ницше), стало быть, она достойна сочувствия и жалости, которая, как известно, не есть фундамент уважения личности...

Феминизация нашей философии — не это ли спутник и одна из причин ее кризиса в последнее время? Если женщина — хранительница настоящего, не она ли невольный хранитель и прошлого, догм, предрассудков, отживших лозунгов и идей, хранитель «скорлупы» (первичной формы) от того, что уже выросло, окрепло, изменилось? Не это ли бессознательная база консерватизма и догматизма?

Итак, к своему акмэ мужчина в философии достигает бóльших успехов. Женщина, оставаясь в тени сначала семейного очага, затем профессиональной деятельности, проживает жизнь, быть может, духовно богатую, разнообразную, но спокойную, не взволнованную бурями интеллектуальных потрясений и открытий. Все, что она открывает для себя в жизни и в науке, скромно, мягко, подобно первому снегу, опадает в тайники ее души и хранится там долго.

Мне кажется, природа женской мудрости такова, что ее интуитивность, чувственность не позволяют вознестись к вершинам духа, где в высокогорном разреженном воздухе разума идеальное предстает в своей чистоте, абсолютности и совершенстве, где хочется создать свой мир идей, созерцать

и мыслить глубоко, точно, творить по законам логической стройности и красоты. Считается, что гениальных и очень глупых больше среди мужчин, а просто умных — среди женщин. Женская мудрость, настоянная на душе и на духе, присуща, видимо, каждой женщине независимо от образования.

Мудрость женщины сравнима с мудростью мужчины, как талант с гением.

* * *

В заключение приходим к выводу, что на вопрос «Созданы ли женщины для философии?» должен звучать ответ «Нет».

P. S. Пусть не удивляют недостатки этой работы. Автор — женщина (!)

Казалось бы, все сделано для убеждения читателя в философской несостоятельности женщины. Но, как не раз говорил Шерлок Холмс, много доказательств вины косвенным образом свидетельствуют о невиновности. Случайно ли С. Шакирова начинает статью с утверждения, согласно которому сущность женщины, если «глубоко зачерпнуть ее», приводит к философии?

Вообще за любым аргументом в этой лукавой заметке просвечивает контраргумент. Автор как бы оставляет себе пространство для маневра, право сказать «я не то имела в виду». Пафос оговорки — признак подлинного философствования — незримо присутствует в каждой фразе этого «антифеминистского» сочинения.

В самом деле, так ли уж скромны научные достижения женщин в нашей философии? Автор называет лишь несколько имен женщин-философов. Но большинство из них — весьма яркие индивидуальности, отнюдь не обреченные на вторичность, «репродуктивную деятельность». К тому же любой специалист назовет десятки достаточно значительных авторитетов в науке — женщин (и число их растет). Например, можно назвать имена Н. Автономовой, В. Федотовой, И. Михайловой, Е. Боголюбовой, Г. Стрельцовой, Е. Кукушкиной, Г. Давыдовой, Р. Гальцевой и других. Наконец, хотя, возможно, мужчин в нашей философии «числом поболе», но вряд ли будет справедливым сказать, что продуктивные моменты в их деятельности преобладают над репродуктивными. Сближение консервативных, «охранительных» тенденций в идеологии с функцией женщины—хранительницы очага остроумно, но опровергает самое себя: коль скоро женщина в философии занимает столь незначительное место, то почему консервативные тенденции в ней

преобладают, где же продуктивные усилия целой армии «годных к нестроевой»?

Обращение автора к антифеминистской культурной парадигме, пожалуй, наиболее интересно. Но и здесь автор не договаривает до конца. Как видно, С. Шакирова хорошо знакома с идеологией так называемого «радикального феминизма». Именно в русле этого течения сформировалась оценка культуры прошлого и настоящего как в основном «мужской» культуры. Жесткая поляризация субъекта и объекта в сфере знания, рационализм, механицизм, объективизм, авторитаризм в политической области, иерархичность социальных отношений, «сексизм» в искусстве, антифеминизм религиозной традиции — вот основные параметры мужского типа культуры. Но в русле феминистских воззрений в культуре выделяется и женское начало, набирающее силу и подготавливающее «женскую революцию». Имеется в виду отказ от универсализации субъект-объектных отношений, возрождение интереса к субъект-субъектным отношениям; переход от авторитаризма, соперничества, иерархической структуры отношений к новым формам коллективности, «всемирному сестринству», глобализация проблемы связи человека с природой, растущая популярность мистико-пантеистических течений в философии в отличие от рационалистической парадигмы, тенденция к единению с природой, переход от веры в «мужского бога» Христа к ведовству — «женской религии». Нетрудно заметить, что многие черты современного типа «ментальности» хорошо уловлены феминизмом, хотя и рассматриваются лишь в качестве симптома надвигающейся женской революции. Очевидно, автор знаком с этими аргументами в пользу женской культуры и, провоцируя читателя, стремится вызвать его на дискуссию.

Пожалуй, в материале вырисовываются контуры более широкого вопроса, перешагнувшего рамки «женского вопроса». Говоря о тяжести философского призвания, порой несовместимого с обыденными житейскими радостями, С. Шакирова, по существу, говорит о параметрах индивидуального бытия философа, о философе как личности, а не абстрактном инструменте постижения начал и причин. Речь идет о возможности достижения гармонии между жизнью и мыслью философа, о трагической раздвоенности его бытия, о различных типах философствования и типах философов. Женщина с ее укорененностью в повседневности выступает в данном случае лишь символом одного из полюсов этого внутренне противоречивого бытия.

Приглашаем читателей принять участие в обсуждении вопросов, поставленных автором данного материала. Какие, например, вопросы могут быть поставлены в ходе дискуссии? Каковы возможности женщины в философии и чем они обусловлены — социально-историческими или биологическими факторами; каков диапазон духовности женщины, нужно ли ей приобщение к вечным

философским проблемам; имеет ли какие-либо социокультурные основания апология женского начала в современной культуре; возможно ли радикальное изменение ситуации «женщина и философия» и «женщина и современная культура»?

* * *

Вероятно, нам имеет смысл сделать издание подобных молодежных сборников традицией редакции. Как считают наши читатели? Если ответ положительный, то какую бы вы предложили тему для следующего выпуска брошюры из цикла «Слово молодым»?

ДИАЛОГ: РЕДАКТОР — ЧИТАТЕЛЬ

По поводу писем, поступивших в редакцию до апреля 1990 г.

В редакцию пришло письмо из г. Киева:

«Здравствуйте, дорогие товарищи! Хочу выразить вам благодарность за толковые работы в вашей серии «Философия и жизнь». В прошлом году попадались номера по старинке догматичные, которые отталкивали от себя одним своим «непривлекательным видом»: обильным цитатничеством классиков марксизма, особенно же Ленина, который «для сердца русского» — стать особенная: главный изничтожитель русской культуры и главный удушитель русской национальной философии да вдобавок основоположник «лысенковщины». (Да, да! «лысенковщина» уже налицо в «Материализме и эмпириокритицизме».)

Итак, еще раз Вам большое спасибо. Учтите, что мое мнение отражает взгляды очень многих и многих Ваших читателей, которые желают Вам дальнейших творческих успехов.

Искренне
Саврасов Петр Александрович»

Мы признательны автору письма за положительную оценку работы редакции. Знать откровенное мнение читателей необходимо в нашем деле. Мы солидарны с Петром Александровичем в том, что всякое начетничество, цитатничество должно быть исключено из научно-популярных брошюр.

Не была неожиданной и оценка ленинизма, которая прозвучала в данном письме. Не секрет, что студенты ряда вузов отказываются сдавать экзамены не только по теории социализма или истории партии, но и по диамату и истмату. Есть также, например, сообщение о том, что рабочий на одном из заводов Ленинграда публично сжег портрет В. И. Ленина, а возбужденная толпа в одной из стран Восточной Европы низвергла памятник Владимиру Ильичу. Кстати, вспомним, что вскоре последовало известие о том, что этот памятник попросил один из муниципалитетов небольшого западноевропейского городка, намереваясь, в соответствии с желанием своих жителей, установить его на площади.

Подобные полярные факты в наше время не редкость. Вероятно, выступление П. А. Саврасова против «обильного цитатничества классиков марксизма» вызвано современной ситуацией в нашем государстве, к которой, как многие полагают, привело претворение

в жизнь марксистско-ленинских идей. Однако, на мой взгляд, вряд ли главным и единственным виновником создавшегося в стране положения является марксистско-ленинская теория.

Ведь, во-первых, ни К. Маркс, ни В. И. Ленин никогда не смотрели на свою теорию как на нечто законченное, как на догму, которой «добуквенно» надо следовать в процессе строительства нового общества. Ряд положений марксистско-ленинской теории, верных в период их выдвижения, в иной социально-политической ситуации к моменту их практического осуществления оказался устаревшим. Какие-то из них, например, о «загнивании» капитализма, о всемирной революции, о нетоварном и самоуправляющемся обществе и др. не подтвердились на практике. Во-вторых, в период создания социализма в сфере политической практики, а также экономики, культуры было допущено великое множество отступлений от представлений Маркса и Ленина. В-третьих, теперь ясно, что подавляющее большинство населения не знает и не могло бы узнать многие положения марксизма-ленинизма (хотя, конечно, не стоит преувеличивать значение этого обстоятельства, ибо всем известно, что главная, руководящая роль в продвижении общества к «вершинам» принадлежала отнюдь не народным массам). Нам известно, что в период «сталинщины» процветала текстуальная фальсификация классических текстов «корифеем наук», что ряд работ К. Маркса и Ф. Энгельса был запрещен в Советском Союзе.

Наш читатель В. Г. Чистяков (г. Каменск-Уральский) пишет:

«Неужели диалектика, логика и материализм должны быть втоптаны в грязь только потому, что ими прикрывались догматики и душители мысли?» (А что думают по этому поводу другие читатели нашей серии?)

К тому же «не все философы молчали» (вспоминалась статья под таким названием в «Советской культуре»). Не многие знают, как нелегко пришлось философам-новаторам (Ф. Асмус, Э. Ильенков, П. Копнин, Б. Кедров, Ю. Мелещенко и ряд других), которые пробили первые бреши в философских построениях сталинизма. Кстати сказать, и то, что мы читаем в книгах Гранина, Амлинского, Дудинцева и других о борьбе с лысенковщиной, касалось не только естествоиспытателей. Вспомним, что во второй половине 50-х гг., чтобы остановить разрушение генетики, вместе с естествоиспытателями выступили наши философы-марксисты (например, В. Кедров, И. Фролов, С. Алиханян, Б. Астауров, Н. Дубинин, С. Шварц, В. Рыжков).

Нам бы хотелось, чтобы к этому разговору подключились и другие наши читатели. Если получится диалог, мы опубликуем его в одном из наших следующих выпусков.

Вот письмо еще на одну тему, часто затрагиваемую нашими подписчиками:

«Уважаемые товарищи! Только истинная любовь к философии, и искреннее желание помочь тому делу, которым Вы занимаетесь, побудили меня взяться за перо, — пишет токарь завода «Киноавтоматика» Л. Квачев (г. Ростов-на-Дону). — Последние несколько лет на страницах очень многих изданий, в том числе и брошюр серии «Философия и жизнь», прямо ставится вопрос о причинах слабой популярности философской литературы среди молодежи Предлагаются самые разные основания этого факта... но все это «попадание в молоко». Корень проблемы в том, что мы отнимаем у молодежи то, что хотим, чтоб она любила, а именно философию.

Я не склонен шутить или зря тратить Ваше время, и ниже попытаюсь доказать это».

Тов. Л. Квачев считает, что обилие в нашей стране философской литературы очевидно, но 95% всей огромной массы работ — не что иное, как только критика философии того или иного мыслителя или какого-либо направления. Критика — дело хорошее, но почему бы не дать читателям возможность ознакомиться и с тем, что критикуют, разъясняют и т. д.?

В связи с этим в письме напоминаются слова Шопенгауэра *«Только от самих творцов можно получать философские мысли поэтому чувствующий призвание к философии должен отыскивать ее бессмертных учителей только в тихом святилище их собственных произведений. Основные главы каждого из таких настоящих философов во сто раз лучше объясняют их учение, чем вялые и косые их изложения, смастеренные дюжинными головами, которые к тому же большей частью в полной зависимости от модной в данное время философии или от собственного драгоценного измышления»*

Запретный плод сладок, отмечается в письме, и именно то, что Шопенгауэр и Ницше еще не получили в нашей стране «амнистии», способствует появлению тех, кто, выписав 3—5 фраз из книг об этих философах, считают себя изучившими саму их философию, домысливают себе «сверхчеловека» и идут на преступления.

Но дело не только в Шопенгауэре и Ницше, продолжает Л. Квачев, где работы Кассирера, Хайдеггера, Кьеркегора, Витгенштейна, Шпенглера, Дильтея, Гуссерля, Дьюи, Уайтхеда? Да и что говорить о перечисленных философах, когда Декарт — одна из самых больших вершин в истории философии получает место лишь в 106-м томе «Философского наследия».

Наш читатель предлагает уроки обществоведения в школе заменить на основы философских знаний и «говорить на них учащимся не только о Марксе, Энгельсе, Ленине, но и об Аристотеле, Фихте, Соловьеве. Учить, что не просто существует борьба материализма и идеализма, но и объяснять, в чем ее сущность. И де-

лать это так, чтобы дети старших классов, увидев в магазине книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», не морщились, не отворачивались, а лихорадочно искали по карманам деньги для приобретения этой чудной работы».

Л. Квачев считает, что книги наших философов-современников лежат на магазинных полках «мертвым капиталом», так как «язык их сух, построение формы канцелярское, да и темы не всегда интересные»

Он предлагает редакции:

1) убрать слово «научная» и оставить лишь три: «подписная популярная серия»;

2) печатать не фрагменты, а полностью работы различных философов, могущие уместиться в объеме брошюры. Или, если это невозможно, то пусть одна работа выходит в течение нескольких выпусков (вплоть до года);

3) увеличить объем брошюры и в будущем навсегда пустить ее в свободную продажу (многие, выписывающие газеты и журналы, не знают о ее существовании)...

Историко-философской проблематике в серии «Философия и жизнь» посвящено и письмо из г. Горноалтайска от Виктора Уласовича. Он выразил желание в цикле «Зарубежная философия в прошлом и настоящем», кроме напечатанного из Фрейда, Цицерона, «обещанного Шопенгауэра», прочесть из Ницше, Кьеркегора, Хайдеггера, Ясперса, также мыслителей, которые впервые стали говорить о конвергенции, прочесть о том, насколько реально органическое сочетание... лучших достижений в культуре «Востока» и «Запада»... Ведь еще Ленин говорил, что «настоящим коммунистом можно стать только тогда, когда...» и что надо пойти на выучку к капиталистам и т. д., а потом это было забыто и не развито.

Тов. Уласович считает нужным дать место на страницах серии такому мыслителю, как Н. Рерих, раскрыть черты всеобщности, соборности в его культуре. Читателя интересует и тема влияния космоса, его лучей на природу человека.

«Хотелось бы в одном из номеров вашего издания прочесть об Эрнсте Махе и его трудах», — пишет В. М. Шевцов (г. Ангарск).

С. Б. Борисов из г. Шадринска Курганской области просит выпустить брошюры с обзором творчества Э. В. Ильенкова и М. Мамардашвили.

Здесь надо сказать, что выпуск именно научно-популярных брошюр под девизом «Новое в жизни, науке, технике» — специфика издательства «Знание», в том числе и серии «Философия и жизнь». Это то, что отличает наши книжки от всех других, выпускаемых в стране. Что же касается предложения пускать их в свободную продажу, то редакция не может этого делать, в част-

ности, из-за ограниченного количества бумаги: брошюры распространяются только по подписке.

Далее. В процессе работы над циклами «Из истории отечественной философской мысли» и «Зарубежная философия в прошлом и настоящем» редакция будет стараться выполнить заявки, поступающие от ее читателей. Сейчас мы расскажем вам о том, что уже делается, какие историко-философские произведения будут опубликованы в скором времени.

Мы готовим к сдаче в производство рукопись Л. В. Голованова (одного из сотрудников А. Л. Чижевского) «А. Л. Чижевский влияние космоса на земную жизнь». Имя Александра Леонидовича Чижевского (1897—1964) вошло в историю науки в связи с завершением этим ученым исторической ломки геоцентризма, начатой в свое время Николаем Коперником. Этот подвиг ознаменовал не только качественно новую ступень в науке о жизни, в естествознании, но и скачок в методологии, философское значение которого до сих пор не получило должной оценки. Ученый открыл, что динамика исторических процессов на Земле испытывает воздействие физических факторов, первоисточником которых является периодическая солнечная активность. В брошюре будет показано, как физические факторы космоса вносят свою ритмику в биологические и социальные явления, происходящие в человеческих сообществах. Будет рассказано о философском смысле учения Вернадского, о его социально-историческом значении.

Редакция и авторы работают над книжкой о малознакомом нашим читателям творчестве одного из наиболее оригинальных русских философов Георгия Петровича Федотова (1886—1951) («П. Г. Федотов: размышления о трагедии русской интеллигенции») У него составилась своя концепция «лика России», ее истории и будущего. Историю и будущее России Г. П. Федотов рассматривает как историю рождения свободы. Еще до «Восстания масс» Ортеги-и-Гассета Федотов публикует свою работу «Трагедия интеллигенции», выдвинувшую его в разряд мыслителей мирового масштаба. Европа и Россия, Восток и Запад в истории формирования русской культуры; несовместимость идеи демократии с идеей равенства, свобода, ставшая привилегией немногих; есть ли будущее у правовой России; трагедия русской интеллигенции и ее истоки — все эти проблемы стали предметом размышлений русского философа культуры Г. П. Федотова. В брошюре будет рассказано об этих и других идеях мыслителя, об его жизни.

Наши постоянные подписчики, вероятно, заметили, что теперь мы используем появившуюся возможность удовлетворять (хотя бы отчасти) их просьбы о публикации полных произведений философов с мировым именем. Это, в частности, относится к книгам тех философов, которые в советское время не переиздавались, массовому читателю в библиотеках не выдавались, в букинистических

магазинах сначала не принимались, а затем исчезали, не дойдя до прилавков.

Подписчики уже получили первую половину книги Эриха Фромма «Искусство любви». Это будет первое в Советском Союзе полное издание книги всемирно известного гуманиста, которая за рубежом переведена на 25 языков и уже давно стала бестселлером.

Мы начинаем (в этом номере) переиздавать (небольшими частями) выпущенную в России в 1903 г. книгу «Ф. Ницше. Афоризмы, изречения и аллегории» (перевод с немецкого).

Готовим к переизданию труд Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Подобным же образом несколько позднее будем издавать работы О. Шопенгауэра («О свободе человеческой воли» и «Мир как воля и представление») и других мыслителей.

Что касается отечественной философской литературы, то наши читатели смогут познакомиться и с древнейшими памятниками культуры, например, со «Сказанием в кратце о скифах, и о словянах, и о России, и о началах и о здании Великого Новгорода, и о великих государях российских» (перепечатка из «Летописных тетрадей»; начали в 7-м номере серии), и с жемчужинами русской мифологии (зная плохо-бедно легенды и мифы Древней Греции, мы практически не знакомы со своими), и с исследованиями отечественных этнографов, посвященными борьбе между христианством и язычеством (в этой связи речь пойдет о врачевании, знахарстве, символике драгоценных камней, о «чудесах», таинственных явлениях, получивших название «полтергейст», и т. п.).

Из восточных философов мы начали печатать (с 7-го номера серии) Лао-Си «Тао-те-кинг или Писание о нравственности» (пер. с китайского. Под редакцией Л. Н. Толстого. — М., 1913).

В 7-м номере серии мы начали также публикацию книги Н. К. Рериха «Цветы Мории». Здесь мы ее продолжаем.

В перспективе предполагается напечатать произведения буддистов, кришнаитов и философов других направлений.

В соответствии с многочисленными просьбами читателей мы продолжаем публиковать книгу Дейла Карнеги «Как перестать беспокоиться и начать жить» (пер. с английского). В одном из ближайших номеров серии этому произведению будет отведена большая часть объема брошюры.

Среди отзывов на наши книжки значительная часть писем посвящена историко-философским работам: их оценке, предложениям, просьбам.

Из отзывов на брошюры по другой тематике мы, учитывая тему этого номера, приведем здесь письмо нашей юной читательницы о первой книжке нашего молодого автора.

«Философия всегда привлекала меня. После того как я стала получать брошюры серии «Философия», мой интерес стал как-то

направленнее; я много узнала о философии. Очень благодарна Вам за:

№ 7. Р. Ф. Додельцев. Концепция культуры З. Фрейда;

№ 10. И. И. Семененко. Милосердие в конфуцианском учении;

№ 12. О. Н. Назарова. О смысле жизни, его утрате и творении.

На мой взгляд, это лучшие публикации 1989 г.

Публикуйте больше из цикла «Зарубежная философия в прошлом и настоящем».

Хотелось бы, чтобы Вы продолжили публикации о восточной философии и о творчестве Зигмунда Фрейда. Сейчас о нем довольно много стало появляться публикаций, но Ваша публикация работы Р. Р. Додельцева была особенно интересной.

А № 12 был мне близок, очень близок. Огульсона Нурназаровна Назарова помогла мне разобраться в некоторых мыслях, что-то понять и правильно оценить.

Мне 17 лет, а обратиться с многочисленными вопросами о смысле жизни не к кому. Спасибо!

Теперь немного о себе. Зовут меня Старуш Эвелина. Студентка Кишиневского государственного медицинского института. 1-й курс. Интересуюсь философией как любитель...»

Правда, один из отзывов на эту работу О. Н. Назаровой был таков: в брошюре нет ничего нового, обо всем этом уже сказал Л. Н. Толстой (Л. А. Полыковский, г. Витебск).

А вот письмо иного рода: *«Здравствуйте, дорогая редакция. Я прошу Вас описать подробно в серии «Философия» о явлении полтергейста. Дело в том, что это явление в народе принимают за сверхъестественные силы. Как, например, черта, домового и т. п. У нас поселок небольшой. 6 тысяч человек, все друг друга знаем. Вот и обратились ко мне как читателю «Философии» попросить Вас рассказать нам об этом явлении. Главное, нам надо узнать: это сверхъестественная сила или материальный, естественный объект?*

У нас в поселке некоторые люди встречали это явление. Газета «Труд» пообещала описать, но пока не сделала этого.

К Вам с уважением Федотов В. С. Поселок Междуреченск Куйбышевской области».

Ответить тов. В. С. Федотову на интересующий его вопрос мы попросили редактора серии «Знак вопроса» нашего издательства Г. Г. Карвовского. Вот что он сказал:

«Последние годы принесли буквально всплеск интереса к различным «чудесам» и таинственным явлениям. Среди таких таинственных явлений и так называемый полтергейст — «шумный дух» в переводе с древнегерманского. Проделки «шумного духа», прямо скажем, из ряда вон выходящие: летают предметы по самым не-

вероятным траекториям, из стен течет вода, появляется огонь, откуда-то сверху падают записки с угрозами жильцам квартиры, слышатся голоса, стуки. Поведение «шумного духа» совершенно не укладывается в устоявшиеся в нас со школьной скамьи представления об окружающем мире и абсолютно не вписывается в рамки известных нам физических законов.

По поводу полтергейста сейчас начинаются горячие споры. И если раньше им занимались правоохранительные органы да исследователи-любители, то теперь к ним, хотя и робко, подключаются и ученые, долгое время полностью игнорировавшие проделки «шумного духа».

Явление полтергейста настолько необычно, что для его объяснения требуются совершенно неординарные, часто кажущиеся фантастичными гипотезы. Хотя, кто знает, может быть, такими они кажутся нам лишь с наших сегодняшних позиций?

В самом количестве версий и объяснений полтергейста недостатка нет. Исследователь явления В. Н. Фоменко насчитывает их около 20. Здесь и гипотезы религиозного, мифического происхождения, гипотеза, предполагающая совмещение в одном человеке исключительных способностей, в том числе таких, как умение «растягивать» время, быть невидимым, и гипотеза о действии людей из будущего при помощи машины времени, и гипотезы о шалостях детей, «розыгрышей» самих обитателей дома, и гипотеза коллективного психоза и коллективных галлюцинаций, гипотеза психологической подготовки человечества к контакту с внеземной цивилизацией, гипотеза параллельных миров и т. д.

Подробнее ознакомиться с самим проявлением полтергейста и гипотезами, его объясняющими, читатели смогут, прочитав брошюру подписной научно-популярной серии «Знак вопроса»: А. А. Горбовский. «Незваные гости (Полтергейст вчера и сегодня)», выпущенную в издательстве «Знание» в мае 1990 г.

Тем, кто заинтересуется серией «Знак вопроса», сообщаем, что подписка на эту серию проводится всеми агентствами «Союзпечати» и отделениями связи. Подписная цена на год 3 руб 60 коп.; индекс серии в каталоге «Союзпечати» — 70194.

Несколько позднее в этом же номере (в рубриках «Банк философских идей» и «В саду размышлений») мы еще вернемся к данной теме.

Читатель В. Г. Чистяков (г. Усть-Каменогорск) задает всем нам такие вопросы: *«Правомерно ли делать философские обобщения, основываясь на непроверенных данных о различных экзотических экспериментах и всякого рода видениях и явлениях?.. Полагаю, что нет. Но как ответит философский корпус?»* Ответит?

Напомню, что, обсуждая эти, а тем более исконные философские вопросы, нельзя упускать из виду, что среди наших читателей

есть и искренние любители философии, но еще мало знакомые с ее терминологией, понятиями и пр.

Вот, к примеру, что нам пишут по этому поводу: *«Зовут меня Олег Анатольевич Пестов. Мне 18 лет. Круглый сирота. Учился в школе-интернате (на хорошо и отлично). Мечтаю поступить на философский факультет... Все Ваши брошюры стараюсь прочесть, вникнуть в смысл написанного, понять, о чем идет речь. Но надо сказать, что дается мне это с большим трудом. Мне многое трудно понять, потому что все написано научно и, видимо, для пропагандистов, лекторов, агитаторов и других общественных деятелей... Хотелось бы, чтобы в последующих номерах можно было найти рекомендации начинающим заниматься философией».*

Вероятно, нашей редакции и ее авторам, учитывая задачи и объем брошюр, вряд ли целесообразно ставить перед собой задачу обучать наших читателей азам философии (этому предназначены специальные учебники и учебные курсы), но, конечно же, нам всем (и редакторам, и авторам, и тем читателям, которые хотят вступить в диалог с другими) надо стремиться к тому, чтобы практически все тонкости наших текстов были доступны и тем, кто еще мало знаком с основными категориями и законами философии.

Здесь же я нахожу нужным заметить, что поступающие в нашу редакцию материалы по объявленному в № 12 за 1989 г. пока заочному «круглому столу» на тему «Роль принципов оптимизма в перестройке мышления» (конкретные заголовки за участниками конкурса) очень «сухи» и теоретичны. Ведь речь идет о конкурсных работах в научно-популярную брошюру. Ее материалы должны быть как понятны всем, так и общеинтересны. А пока что мы имеем материалы, напоминающие тезисы докладов на научно-теоретических конференциях, на фрагменты из авторефератов соискателей ученых степеней и т. п.

Не совсем по адресу обращаются в редакцию и наши читатели, которые предлагают нам опубликовать их проекты политических решений тех или иных проблем, встающих перед нашей страной. *«В настоящее время разрушается система лидерства, а демократических институтов у нас не создано, поэтому вместе с существующей системой разрушается государство. Разрушение государства опасно для всех, в том числе и для Вас (имеюсь в виду лично я. — Л. К.), и этого допустить нельзя! Без политических партий общество прожить может, без государства нет, и это должны понять все!*

Если Вы согласны с моей позицией и согласны содействовать в этом направлении, могу предложить статью «Государство и гражданин». Бывают в жизни моменты, когда решается очень многое! Подумайте и, если решитесь, пишите, я буду ждать. В. Е. Беломытцев, г. Свердловск».

Я подумала и решила, что все-таки серия «Философия и жизнь» — не трибуна для политических дебатов. Здесь прежде всего решаются мировоззренческие вопросы. Разумеется, не в отрыве от жизни, но приоритет принадлежит именно философскому осмыслению действительности. Предлагаемый же читателем ракурс взгляда на жизнь ближе к социологии, политологии, к теории социализма и т. п.

В. И. МАЖУГА

Взаимосвязь некоторых экстрасенсорных воздействий *

Что общего между предвидением, ясновидением, дальновидением, телепатией, полтергейстами и некоторыми другими экстрасенсорными воздействиями? Анализ собранного материала позволяет говорить, что общим для них является канал связи. Многое говорит о том, что мы обмениваемся информацией по так называемому телепатическому каналу связи. Если считать, что каждый из нас в какой-то мере напоминает электронную вычислительную машину (ЭВМ), неизмеримо более сложную, чем существующие, даже если не рассматривать все вспомогательные системы, предназначенные для обеспечения жизнедеятельности нашего Я, т. е. мышления, то сообщество людей можно рассматривать как аналог сетей ЭВМ. Это позволяет накапливать огромный объём информации в системе (СЕТИ) и решать задачи невероятной сложности в непостижимо короткие сроки. СЕТЬ позволяет бесконечно долго держать в памяти сообщества образ, оценку современников и все, что характеризует личность давно ушедших в мир иной. Очевидно, в каком-то смысле возможно путешествие во времени в прошлое, обращаясь к коллективной памяти. Становятся понятными мифы о «вечной жизни» и о «бессмертии души».

Имея колоссальный объем информации в СЕТИ и невероятно короткие сроки ее обработки, можно методом анализа, сравнения и сопоставления с прошлым (как долгосрочный прогноз погоды) предсказывать как судьбу отдельного индивидуума, так и социальные потрясения и перемены. Кроме того, не исключено, что СЕТЬ позволяет не только предсказывать, но и следовать предсказанию, т. е., предсказав и записав в память предсказанное, «вести» согласно ему отдельные личности или сообщества. Очевидно, в этом и состоит механизм предвидения.

Механизм ясновидения заключается в способности считывать информацию. С этой точки зрения понятен механизм тех удивительных способностей, которые демонстрируют экстрасенсы в розыске потерявшихся, постановке диагноза и многом другом, исполь-

* Эти идеи рассматривались на региональной научно-теоретической конференции в г. Краснодаре (сентябрь 1989 г.).

зуя только фотографии, телевизионное изображение или какую-либо вещь, принадлежавшую потерпевшему или испытуемому, так как в данной ситуации нужно считать информацию у тех, кто к ним имеет или имел какое-то отношение. К числу таких явлений относится и «ошибка» Вольфа Мессинга, определившего по письму, что написавший умер. Можно привести длинный перечень подобных сообщений. В связи с таким подходом к этому явлению, опыты, которые проводятся по ясновидению, некорректны, так как изменение положения каких-либо фигур на рисунках и в реальной обстановке должно производиться по случайному закону, без участия человека.

Дальновидение, опыты по которому изложены в ряде работ, является, по сути, прямым использованием телепатического канала связи. Частным случаем дальновидения является телепатия. В обоих случаях необходимо мысленно представлять (многократно прокручивать) определенный образ, пейзаж, предмет или изображение. При дальновидении предварительно необходимо представить образ передающего, т. е. «настроиться» на него. При телепатии процесс упрощается, так как передающий и принимающий находятся в пределах видимости.

Пирокинез на расстоянии — это явление, когда, «настроившись» на принимающего, передающий «заставляет» его испускать сгустки электронов. В результате этого синхронного взаимодействия за счет торможения и выделения в конце пути (в образце) примерно 50% ионов, ускоренных сгустками электронов, испускаемых передающим и принимающим, происходит повышение температуры.

Полтергейст — наиболее сложное явление, которое включает в себя элементы телекинеза, пирокинеза, гипноза, телепатии и телепатического канала связи, т. е. в этом явлении тесно переплетаются реальность и галлюцинации. Очевидно, нет необходимости объяснять с этой точки зрения многочисленные случаи полтергейстов, которые наблюдались с древнейших времен и нашли отражения в суевериях и мифах многих народов. Здесь ставится задача лишь в общих чертах изложить возможный механизм этого явления (путем сведения всего многообразия его проявлений к немногочисленным причинам возникновения) и установить взаимосвязь с другими экстрасенсорными воздействиями. При определенных условиях возможен коллективный телекинез, когда устроитель полтергейста, используя телепатический канал связи, «заставляет» очевидцев (всех или часть) синхронно с ним оказывать воздействие, что неизмеримо усиливает эффект. В пользу изложенного механизма образования полтергейстов говорит много фактов. Например, прямой взгляд некоторых присутствующих на предмет мешает его перемещению, так как происходит нарушение навязываемого окружающим взаимодействия. Кроме того, при воздействии

пирокинеза стеклянные предметы будут разрушаться под воздействием внутреннего разогрева, а это находит подтверждение при анализе наблюдаемых полтергейстов. Для объективной оценки полтергейста необходимо фотографирование или киносъемка наблюдаемых явлений, так как даже сам устроитель полтергейста, возможно, «видит» то же, что и очевидцы этого явления.

Воздействие гипноза на кошек, собак, птиц и других животных указывает на то, что телепатическая связь присуща не только человеку, но и животным и, возможно, используется для передачи информации так называемых безусловных рефлексов от поколения к поколению еще при формировании мозга. Сейчас считается, что эта информация заложена в генах. Как видим, в этом нет необходимости, тем более что часть этой информации в процессе эволюции может нуждаться в коррекции. Таким образом, при передаче в мозг на хранение безусловных рефлексов по телепатическому каналу связи шире возможности для приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды. Следовательно, возможности для выживания вида больше, а природа, как известно, выбирает оптимальный вариант. Вероятно, телепатический канал связи используется на ранних этапах формирования и развития мозга для передачи от поколения к поколению жизненно важной информации, обеспечивающей выживание вида живых существ. Это его основное предназначение на длинном эволюционном пути развития жизни на Земле. В более зрелом возрасте этот канал используется для обмена информацией.

Учитывая изложенное, автор видит настоятельную необходимость изменения методик исследования экстрасенсорных воздействий, так как существующие методики не учитывают явлений ядерной физики, возможностей телепатического канала связи и особенностей процесса мышления.

В Саду Размышлений

(Диалог времен и народов)

Уважаемые читатели! Этот «выпуск» данной рубрики мы открываем фрагментом из исследования «Символика драгоценных камней». Здесь читатель сможет познакомиться с «мифологическими образами русского народа» (Д. К. Зеленин). Как известно, и после принятия христианства в мировоззрении славян еще долго сохранялось (да порой встречается и в наши дни) «двоеверие». Принцип его: «Богу-то угождай, да и черта-то не гневи!» Об этих явлениях в сознании русского народа идет речь в данной книге.

Мы продолжаем публикацию глав из книги Г. Н. Теплова (см.: также № 7, 9 за 1990 г.).

Фрагменты из книги Ю. Петровского представляют еще одну точку зрения на различного рода «чудеса».

Сборник афоризмов Ф. Ницше постепенно будет у нас напечатан полностью. Сюда включены выдержки из его сочинений «По ту сторону добра и зла», «Так говорил Заратустра» и из стихотворений. Здесь подобраны те из афоризмов, изречений и аллегорических картин, которые не тесно связаны с остальным текстом.

Начало книги Лао-Си «Тао-те-кинг или писание о нравственности» и комментарии к ней см. в № 7 серии за этот год.

То же относится и к материалам из книг М. В. Безобразовой «Философские этюды» и Дейла Карнеги «Как перестать беспокоиться и начать жить» и перепечаткам произведений Н. К. Рериха.

СИМВОЛИКА ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ. Отд. оттиск из 1-го тома «Древности». Труд. М. Арх. Общ. типография Грачева и К° у Пречистинских ворот д. Миляковой во дворе. [1857]

Символика драгоценных камней принадлежит по преимуществу тем странам Востока, где находятся в большом количестве и самые эти камни, так напр. Арабы искони торгующие ими, перенесли их в своем воображении и на свое небо, полагая, что звезды ничто иное, как те-же дорогие камни самоцветные, прикрепленные к небесному своду, ради его украшения и освещения темных ночей. Наши же северныя страны, куда арабские и персидские торговцы стали гораздо позднее привозить эти камни, чрезвычайно бедны преданиями о них... И самыя общия Европейския названия камней, носящия на себе печать их восточного происхождения, появляются у нас на Руси только во времена письменной литературы. По-видимому, затруднялось воображение русскаго человека — под словом камень представить себе крошечное ожерельное воображение и возводило мифический бел-горюч алтарь (по мнению некоторых — янтарь) и громадные размеры, напоминающие собою рунические камни и долмены кельто-германской археологии.

На латыре камне, лежащем на перекрестке, читают таинственную надпись:

На самом перехрестычке
Лежит тут бел-горюч камень,
На камешке есть написано:
По правой ехать — богатому быть,
По левой ехать — женатому быть,
А прямо ехать — убитому быть.

На том же камне на острове Буяне, по словам заговоров, сидит молодец или красная девица; а под влиянием христианского благочестия на белом латыре камне Сам Иисус Христос опочив держал. Наконец, в былине о Ваське Буслаеве является тот же алатырь камень на Сорочинской горе, в виде целой скалы, через которую, перескакивая, наш удалой молодец сам себе смерть находит.

Алатырь можно назвать единственным камнем наших туземных поверий. Кроме него только в двух трех местах

наших былинных песен упоминается еще кое-где: антавент, тирон, яхонт, что невольно наводит на мысль, что мифический латырь, хотя по происхождению своего имени и может означать один янтарь, имел в народном воображении более общее значение ярко светящегося камня, подобно греческим: электру и хризолиту. Янтарь — заморское произведение, привозимое нам с берегов Балтики...

Первое символическое значение драгоценных камней встречаем мы у Египтян, где каждому знаку зодиака соответствовал известный камень, так что этими двенадцатью камнями изображали не только известныя созвездия, но и соответствующия им месяцы годоваго исчисления. Первосвященник у Евреев носил на груди своей нарамник, называемый ефудом, с двенадцатью драгоценными камнями, которые символически изображали двенадцать колен Израиля (Исх. гл. XXVIII), а в XVI главе Апокалипсиса, в описании небеснаго Иерусалима встречаются также 12 имен камней, символизирующих собой 12 апостолов...

[С точки зрения врачевания, каждый камень имеет также свои особенные свойства...]

М. В. Безобразова. ФИЛОСОФСКИЕ ЭТЮДЫ. Москва. Типография Д. И. Иноземцева, Арбат, дом Каринской. 1802.

2. Кант, Шопенгауэр и Гартман о женщинах.

...

Презирать же людей вообще, а в частности мужчин или женщин, блондинов или брюнетов — не дело философа. На обязанности его лежит, напротив, уяснить себе, почему могло возникнуть подобное чувство.

Только тот, кто в состоянии подняться над половыми предразсудками, достоин называться человеком в полном значении этого слова: он не допускает даже возможности ставить один пол выше другаго. Отрешились ли от половых предразсудков наши философы? Нисколько. Они решают вопрос с точки зрения мужчины, считают нормой присущее ему, а не то, что в одинаковой степени свойственно обоим полам. Считать же мужчину человеком par excellence точка зрения односторонняя и потому неверная. Мужчины и женщины представляют собой два типа одинаково нормальных и исчерпывающих понятие о человеке. Однако, эту простую истину забывают слишком часто. Если определять лошадь признаками коровы, т. е. перечислять вместо ея характеристических свойств, уклонения от типа коровы, то это будет резкий пример обыкновенной погрешности, в которую впадают, судя о женщинах.

Мы уже упомянули о другом коренном недостатке таких суждений: о признании индивидуальных особенностей женщин. Такой пример особенно непростителен философу, на обязанности котораго лежит знакомство с психологией. В таком роде, например, вопрос: кто из двух людей умнее? Решить его часто почти невозможно, т. е. чем больше задумываешься над ним, тем более он дробится и усложняется, и решение его отодвигается все дальше. Если всмотреться ближе в психологическия особенности полов, нельзя не придти к убеждению, что подобные вопросы неразрешимы и, благодаря, именно, их неразрешимости, получились крайне поверхностныя и односторонния ходячая мнения. Требовать ответа там, где он немыслим, служит источником многих горьких недоразумений. Это напоминает анекдот о различии между concret и concav — понятиями до того разнородными, что сравнивать их нельзя вовсе. Если народ хочет

идти вперед, требуется образование всех классов общества и всех его членов — это азбучная истина, не ставшая к несчастию еще аксиомою. Надо надеяться, что и тут поможет время.

11. Нельзя не заметить, что взгляд Канта на женщин отличается некоторою объективностью в сравнении с воззрениями Шопенгауэра и Гартмана. Так Кант признает, что машины производящия с тратою меньшаго количества сил то-же, что и другия большия, требуют при сооружении большаго искусства, и к таким более сложным машинам он приравнивает женский организм. Раз же, что он признает тождество действия тех и других машин, то и выражает идею о равноправности полов. Мужчина сильнее физически, но женщина взамен того управляет его склонностью к себе, и чем образованнее общество, тем большую роль играет в нем женщина. У дикарей, ценящих одну физическую силу, женщина служит вьючным животным; с цивилизацией же положение ея изменяется. Вывод из этого мнения (котораго, однако, Кант не делает) тот, что со временем положение женщины изменится непременно к лучшему. Такое изменение равносильно прогрессу и составляет его неотъемлемую принадлежность. Такое изменение возможно только при большем умственном и нравственном развитии женщины, для котораго, в свою очередь, потребуется и более законченное образование. Тогда могут измениться ея права и обязанности — она не будет наследовать положения мужа — факт, который глубоко возмущает Шопенгауэра, кажется ему чрезмерным правом женщины, а по нашему мнению, доказывает лишь ея полнейшее безправие. Роль ея в семействе и влияние на детей станут серьезнее. Кант прав, когда не соглашается с мнением Попа, что одним женщинам свойственно желание господствовать и склонность к удовольствиям.

Ю. Петровский. В САДУ РАЗМЫШЛЕНИЙ. Типогр. Т-ва М. О. Вольф. Петроград. Вас. Остр. 1915.

III

Нужно, чтобы «имеющие уши» опомнились.
Опомниться пора!
Люди попрежнему ищут чуда!..
А это, пожалуй, первая из бед, — это поиски чуда!

Это беда неверия, беда чрезвычайной материальности всех душевных проявлений.

Для таких людей Бог в их чуде. Он им всегда кажется присутствующим там, где с виду нарушаются законы.

И таково же само чудо нашего времени, чудо порождений ехидных, чудо торопящихся людей, которые не уясняют себе, что чудо настоящее есть только нам непонятное, но на самом деле правильное и полезное истинное действие вечных законов.

IV

Кто же даст толпе просимое чудо? Кто даст ей это зрелище?

Можно с уверенностью предположить, что не Божество Света двинет силы природы для материальных целей и целей мирской забавы.

И люди хорошо видят это!

Люди не ищут чуда там, где нужно свое совершенство и чистота для понимания чуда *, а там они его ищут, где оно дается дешево, где оно есть лукавство и искушение. Тогда они рады, потому что чудо кажется им достигнуто дешевою ценою!.. И не видят они, что цена чуда скажется потом и только в тот миг не видно последствий получения его.

Последний путь — путь увлечения новыми (!) многообещающими учениями, путь, который большей частью в целях своих заключает материальное (грубое) благо и обещает силу защиты и одоления. — Этот путь таит в себе соблазн. По нему идет дорога без мира и молитвы, без ве-

* Понимание — это главное. Будете ли тогда делать чудеса — это другой вопрос.

ры, — идет по нему шествование с разочарованным рассудком к тайному, темному и безславному концу...

Берегитесь сего зла и берегитесь последствий его чудес! Берегитесь участия в современном образе увлечения окультизмом!

Не прельщайтесь!

Иные же прельстились, забыв, что много будет пророков, которых лишь по плодам деятельности их можно будет распознавать, и забыв, что зло всегда приходит под философски доброю личиною, под личиною добра...

А иначе в чем было бы обобщение?..

XXVIII

Не занимайтесь спиритизмом, потому что это значит просить искушения.

При занятии спиритизмом вы притягиваете мысленные и волевые лучи по приказу слепого тела в неизвестную плоскость и даете возможность по ним пройти лучам неизвестнаго по меньшей мере происхождения.

И больше того! Это будут снова поиски чуда и поиски того, кто чудо на забаву делает. Тут едва ли требуются объяснения, так как очевидно, что отяжеленный материальностью желаний мысленный луч привлечет (в области своей весьма тяжелой сферы) только то тяжелое, несветлое, неспокойное, что в виде мыслей, отпечатков дел, несбывшихся желаний и творений, мысли низко-человеческой не получило еще очищения Светом.

Не занимайтесь чудоисканием сего второго разбора, ибо из создающейся кругом атмосферы, облегчающей уже землю, трудно уйти пространственно связанному.

Тогда нужно искать очищения Светом!..

Если же вы и это понимаете, недостойно вас идти в спиритизм.

Фридрих Ницше. АФОРИЗМЫ, ИЗРЕЧЕНИЯ И АЛЛЕГОРИИ. Перевод с немецкого В. А. Попова. Москва, 1903.

Из книги «ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА»

1.

Истинным учителем назову я того, кто все в мире ценит лишь настолько, насколько оно важно по отношению к его ученикам, — даже и самого себя.

2.

«Познание для познания» — вот последния силки, расставляемые моралью: все более и более оно опутывает ими человека.

3.

Познание не имело бы такой привлекательности, если бы на пути к нему не приходилось бы так много преодолевать стыда.

4.

Позволяя себя безнаказанно унижать, обкрадывать, подвергать клевете и грабежу, человек оскорбляет прирожденное ему чувство справедливости.

5.

«Я это сделал», — говорит моя память. «Я не думал этого делать», — упорно отрицает моя гордость.

6.

Плохой наблюдатель жизни тот, кто не видал руки, убивающей щадя.

7.

У человека с характером жизнь проходит в типически повторяющейся последовательности событий.

Мудрец-астроном

8.

Пока ты чувствуешь недосягаемость звезд, ты не в состоянии познать их.

9.

Великими делает людей не сила великаго чувства, но его продолжительность.

10.

Человек, достигший своего идеала, тотчас перерастает его.

11.

Иной павлин прячет от всех свой хвост и считает это своей гордостью.

12.

Гениальный человек бывает несносен, если он не обладает при этом хотя бы следующими двумя качествами: благодарностью и опрятностью.

13.

Различие между полами простирается до высочайших вершин человеческого духа.

14.

В мирное время человек с воинственными наклонностями сражается с самим собой.

Н. К. Рерих. Цветы Мории. Берлин, 1921 г.

ЗАКЛЯТИЕ

Отец — огнь. Сынъ — огнь. Духъ — огнь.
Три равны, три нераздельны.
Пламя и жаръ — сердце ихъ.
Огнь — очи ихъ.
Вихрь и пламя — уста ихъ.
Пламя Божества — огнь.
Лихихъ спалитъ огнь.
Пламя лихихъ обожжетъ.
Пламя лихихъ отвратитъ.
Лихихъ очиститъ.
Изогнет стрелы демоновъ.
Ядъ змия да сойдетъ на лихихъ!
Агламидъ повелитель змия!
Артанъ, Арионъ, слышите вы!
Тигръ, орелъ, левъ пустынаго
поля! Отъ лихихъ берегите!
Змеемъ завейся, огнемъ спалися,
згинь, пропади,
лихой.

II

Отецъ — Тихий, Сынъ — Тихий, Духъ — Тихий
Три равны, три нераздельны.
Синее море — сердце ихъ.
Звезды — очи ихъ.
Ночная заря — уста ихъ.
Глубина Божества — море.
Идут лихие по морю.
Не видятъ их стрелы демоновъ.
Рысь, волкъ, кречетъ
Уберегите лихихъ.
Разстилайте дорогу!
Киойсъ, Киойзави
Допустите лихихъ.

III

Камень знай. Камень храни.
Огнь скрой. Огнемъ зажгися,

Краснымъ смелымъ.
Синимъ спокойнымъ.
Зеленымъ мудрымъ.
Знай одинъ. Камень храни.
Фу, Ло, Хо, Камень несите.
Воздайте сильнымъ.
Отдайте вернымъ.
Иенно Гуйо Дья, —
прямо иди!

1911

Дейл Карнеги. КАК ПЕРЕСТАТЬ БЕСПОКОИТЬСЯ И НАЧАТЬ ЖИТЬ. М., Прогресс, 1990. Общая редакция и предисловие доктора психологических наук Зинченко В. П. и кандидата психологических наук Жукова Ю. М. Составитель Хаохачих М. И. Перевод З. П. Вольской *.

Они стремились выдвинуться в своем деле. Они хотели заработать больше денег и обеспечить свои семьи. За обучение они вносили периодические взносы. Таким образом, если занятия не давали результата, они прекращали платить, а поскольку я не получал регулярно жалованья, а должен был довольствоваться лишь процентами с прибылей, то, чтобы не умереть с голоду, мне следовало быть практичным.

В то время мне казалось, что я преподаю в очень трудных условиях, однако сейчас я понимаю, что я приобрел бесценный опыт. От меня требовалось умение заинтересовать своих учеников. Я должен был помочь им решить их проблемы. Мне необходимо было сделать каждый урок ярким и впечатляющим, чтобы вызвать у учащихся стремление продолжать занятия.

Это была увлекательная деятельность. И я полюбил свою работу. Я поражался, как быстро деловые люди приобретали уверенность в себе, как многие из них быстро продвигались по службе и их заработки росли. Успех намного превзошел мои самые оптимистические ожидания. Через три семестра ХАМЛ, отказавшаяся платить мне пять долларов за вечер, стала платить мне тридцать долларов за вечер в качестве процентных отчислений от прибылей. В первое время я преподавал только ораторское искусство, но постепенно, с годами понял, что мои взрослые ученики также нуждались в умении завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Поскольку мне не удалось найти подходящее учебное пособие, то я сам написал книгу об отношениях людей в обществе. Она была написана — нет, она не была написана обычным образом. Она возникла и была создана на основе жизненного опыта моих взрослых слушателей. Я назвал ее «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Поскольку книга была написана исключительно как учебное пособие для моих слушателей и поскольку я напи-

сал также четыре другие книги, о которых никто никогда не слыхал, а я и не мечтал о том, что они широко разойдутся, то, вероятно, меня можно считать одним из самых удивленных авторов, которые здравствуют в настоящее время.

Шли годы, и я понял, что одной из самых главных проблем моих слушателей было беспокойство. Значительное большинство их были деловые люди — администраторы, торговые агенты, инженеры, бухгалтеры, представители всех специальностей и профессий, — и перед большинством из них стояли проблемы! Занятия посещали и женщины — служащие и домашние хозяйки. И у них тоже были проблемы! Совершенно очевидно, что необходимо было учебное пособие о том, как преодолеть беспокойство, — и я снова попытался найти соответствующую книгу. Я отправился в Нью-Йоркскую центральную библиотеку на углу 5-й авеню и 42-й улицы и к своему удивлению обнаружил, что в библиотеке насчитывалось только 22 книги, числившиеся под рубрикой «Беспокойство». Я также отметил, к своему изумлению, что под рубрикой «Черви» числилось 189 книг. Почти в девять раз больше книг о червях, чем о беспокойстве[1]. Поразительно, не так ли? Ведь беспокойство — одна из самых важных проблем, стоящих перед человечеством, и вероятно, в любой средней школе и колледже страны должен был бы читаться курс «Как перестать беспокоиться?». Однако я не нашел ни одного учебного пособия по этому вопросу ни в одном учебном заведении страны. Не удивительно, что Дэвид Сибери писал в книге «Как одолеть беспокойство»: «Мы вступаем в период зрелости такими же не подготовленными к жизненным испытаниям, как книжный червь не подготовлен к выступлению в балете».

И что же в результате? Более половины больничных коек в нашей стране заняты людьми, страдающими нервными и эмоциональными расстройствами.

---

[1] По-английски «беспокойство» — worry, «червь» — worm. — *Прим. ред.*

Г. Н. Теплов. НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ. 1768 года. Спб.

Правило 3-е: **Будь экономом, а не будь скуп.**

Когда человек не имеет довольного богатства, то может быть не тароватым без его порицания. Добродетель и то когда кто умеет сберечь приобретенное, и добрым экономом быть, есть знак разума. Хотя обыкновенно не тароватый идет в числе скупых, средства однакож другаго нет заслужить имя хозяина. Таким образом сего рода скупой человек прикрывается именем эконома, потому, что скупой есть имя порицательное, но когда неумеренная бережливость есть добродетель, то и согласиться надобно, что она ближайшая соседка пороку, по тому, что она в близком свойстве с прямо скупостию; ибо по большей части, где великая бережливость имения внедрилася, тут и жадность к оному зародилася. Кто не любит сам давать, тот обыкновенно привыкает сам брать, а наконец и все неистовые способы употребляет к набогащению своему Сие свойственно не однем хитрецам, но глупые люди собирать умеют богатство. Разумный только один умеет оное издерживать. Скупец и в богатстве нищим проживает, но прямой эконом собирает имение без стяжения и по мере достатка расходы свои ведет Приметить можно, что дети, которые с малолетства бывают на все вещи бережливы, часто к старости перераждаются в великих скупцов, и что ежели кто в дватцать всего жалеет, тот в тритцать куражу не имеет за своим собственным столом в сытость наедаться, а все оставляет на утро. Обыкновенно, кто с молоду любит страстно рюмку вина, тот под старость бывает нередко пьяница. И потому кажется, что такая экономия приличествует только старикам или старухам, которые всегда в нужде. Но прямая экономия всегда обитает между чивостию и скупостию, и к той и другой стороне ни когда не наклоняется. Тут надобно иметь разбор разумный и особливое знание, которые качества редко вместе случаются. Есть род экономов у нас и такой, который прямо назваться может смрадные скупцы, и их за то, что при великом своем достатке живут в домах гнусных, пьют кислое, а едят вонючее, одеваются изношенным и детей воспитывают в таком же не благообразии, называют великими хозяёвами. Сие смешение имени происходит от недавольнаго понятия, в чем состоит прямая экономия, и что есть гнусная скупость. Разумные попечители питомцов, прежде всего стараются обучить правилам хозяйства, нежели о глубокости знания латынского языка в них трудиться. Они видят, что невежа богатый всегда выступает перед ученым бедным, и что люди с талантами, имеющие недостаток в пропитании, ему раболепствуют

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим своевременно оформлять подписку. В этом году она будет непродолжительной и, возможно, ограниченной.

Сообщаем Вам, что в связи со значительным увеличением платы за почтовые и полиграфические услуги, а также ростом цены на бумагу увеличатся цены на все подписные издания, в том числе на серию «Философия и жизнь».

Подписка принимается во всех отделениях «Союзпечати» Издательство не занимается подпиской и не высылает брошюры наложенным платежом.

Индекс серии «Философия и жизнь» — 70065. Подписная цена на год — 3 рубля. (Просим извинить за расхождение этой суммы с ценой подписки на некоторых обложках брошюр: когда они печатались, еще действовали старые цены).

Научно-популярное издание

МОЛОДЕЖЬ О ФИЛОСОФИИ

(Из цикла «Слово молодым»)

Гл. отраслевой редактор Ю. Н. Медведев
Редактор Л. К. Кравцова
Мл. редактор И. В. Яковлева
Худож. редактор М. А. Гусева
Техн. редактор О. А. Найденова
Корректор Н. Д. Мелешкина

ИБ № 10745

Сдано в набор 14.06.90. Подписано к печати 24.08.90. Формат бумаги 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,32. Тираж 87 605 экз. Заказ 1002. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 901009.
Типография Всесоюзного общества «Знание» Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

15 коп. Индекс 70065

Дорогой читатель! Чел. 33-8

Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку.

Подписка на брошюры издательства «Знание» ежеквартальная, принимается в любом отделении «Союзпечати».

Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете найти в «Каталоге советских газет и журналов» в разделе «Центральные журналы», рубрика «Брошюры издательства «Знание»

ЗНАНИЕ

Издательство «Знание»

Наш адрес:
СССР,
Москва,
Центр,
проезд Серова, 4